

Рита Навьер

Цена страсти

<https://litres.ru/74464109>

Аннотация

У нас была всего одна ночь. Моя постыдная тайна, мой упоительный грех. Потом судьба разлучила нас, чтобы вновь столкнуть спустя несколько лет. Только теперь между нами неодолимая пропасть. Ведь он – правая рука одного из самых опасных людей в городе и моего заклятого врага. Герой неоднозначный и жёсткий. Противостояние героев. Эмоционально и откровенно. ХЭ.

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	17
5	23
6	28
7	32
8	36
9	41
10	46
11	50
12	55
13	60
14	64
15	71
16	75
17	80
18	88
19	93
20	99
21	104
22	109
23	115

24	120
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Часть первая

Май, 2008

- И куда это ты так начепурилась? - Анна Гавриловна встала в дверном проёме, скрестив руки на необъятной груди.

Я от неожиданности вздрогнула. В тесной прихожей сразу стало сумрачно - своим могучим туловищем она целиком заслонила проём так, что свет из кухни едва сюда пробивался.

Я в потёмках нашарила ногой босоножки. Включать днём электрический свет Анна Гавриловна не разрешала, экономила.

- К однокласснице на свадьбу, - не глядя на хозяйку, ответила я.

- Свадьба - это хорошо, свадьба - это правильно, - одобрила она. - Хотя и рано. Но всё равно хорошо, а то девки нынче совсем бесстыжие пошли. Скачут по койкам без всякого замужа. А жених-то кто? Из ваших писунов, поди?

- Не-ет, - наклонившись, я пыталась на ощупь застегнуть тонкие ремешки на босоножках.

- Взрослый мужик, что ль?

- Он из ИВАТУ*, - кряхтя, выдохнула я, еле славив с за-

стёжками.

- А-а, лётчик, значит, будущий. Ну, лётчик - это хорошо. Серьёзная профессия, не то что вы - писаки... Молодец девушка, твоя подружка, хорошего парня отхватила. Кто попало в лётчики не идёт.

Я пропустила её ремарку мимо ушей.

За эти два года, что снимаю у Анны Гавриловны комнату, уже усвоила для себя: лучшая тактика с ней - это молчание. Попробуй ей возрази - и такого наслушаешься. Так что пусть будут «писуны» и «писаки». К тому же, это она ещё мягко выразилась. Обычно журналистов и заодно нас, студентов журфака, она склоняет по всем статьям словаря ненормативной лексики.

- А гулять-то где будете?

Я выпрямилась, одёрнула подол платья, перекинула косу за спину.

- В столовой.

Если точно - в столовой «восьмёрки», то есть университетского общежития № 8. Но про эту деталь я умолчала. Потому что любое студенческое общежитие, по мысли Анны Гавриловны, - это сплошь пьянство, разврат и антисанитария. В общем, хорошие девочки туда не ходят. Одно время она работала вахтёром в общежитии пединститута и, говорит, посмотрелась всякого, так что теперь плюётся и содрогается от отвращения, чуть только речь зайдёт.

- Ну, правильно, откуда у студентов деньги на ресторан?

И на столовую-то, поди, с родителей стрясли, - хмыкнула она и наконец вернулась на кухню и уже оттуда крикнула:

- Смотри мне, Машка, в одиннадцать закрою дверь на нижний замок. Придёшь позже - не пущу. Будешь куковать до утра. Поняла? Вот так. А потому что нечего по ночам шляться.

- Нет, Анна Гаврилна, я сегодня не приду. Я у подруги останусь, она там недалеко живёт.

Конечно, нет никакой подруги. Сегодня я останусь ночевать у моего Миши.

Миша тоже живёт в «восьмёрке». Ну а подруга - это версия для Анны Гавриловны. Почему я вообще перед ней, чужой и сварливой бабкой, отчитываюсь? Потому как она, чуть что, сразу звонит моей маме, а у той сердце...

Я выскочила в подъезд, сбежала, гулко цокая каблучками, по ступеням и вырвалась в залитый солнцем двор. На миг остановилась, зажмурилась, вдохнула полной грудью, пьянея от запаха цветущей черёмухи. Как же я люблю весну! Особенно май. Как люблю, когда небо вот такое высокое и синее-синее!

Радость во мне то звенела томно мандолиной, то энергично отжигала ритмы самбы на пандейру. И откуда-то я точно знала - всё будет хорошо, всё будет просто замечательно.

Я припустила к троллейбусной остановке, но проходя мимо огромных окон-витрин универсама, чуть замедлила шаг. Словно невзначай оглядела себя и улыбнулась собственно-

му отражению. Стройная, летящая фигурка в белом платье, немного коротковатом, но здесь, в городе, и покороче носят.

Это платье, белое, на узких бретельках, с бисерным узором на лифе мама сшила мне сама на школьный выпускной. С деньгами у нас всегда было туго, еле тогда наскребли на новые босоножки, самые простенькие, китайские.

Но зато платье получилось шикарное - глаз не оторвать. Жаль даже, что такое нигде особо не поносишь. Хотя вот, пожалуйста, пригодилось спустя два года. Правда, я, похоже, подросла, ну и в груди оно стало немного жать. Но это ерунда, мелочи, со стороны даже незаметно.

* ИВАТУ - Высшее авиационное училище, на тот момент уже переименованное в ИВАИУ, но все по привычке называли его ИВАТУ, а курсантов ИВАИУ - иватушниками.

Дисклеймер! Все события и персонажи - художественный вымысел.

На остановке скопился народ - троллейбус явно задерживался.

Вот чего не люблю - так это ждать. Столько времени теряешь зря. Поэтому я стала повторять на память даты - нам через неделю сдавать историю, а на датах как раз все, в основном, и срезаются. А у меня пока ни единой четвёрки в зачётке нет, сплошные «отлично», не хотелось бы подпортить картину.

От падения Римской империи я дошла уже до образования Речи Посполитой, когда наконец показался троллейбус.

Я обречённо посмотрела на часы. Через пятнадцать минут регистрация. Даже если мы помчимся во весь опор, игнорируя светофоры, то всё равно наверняка опоздаю, а жаль. Мы хоть и не особо близки с Анькой Ивановой, невестой, но посмотреть, как проходит церемония, ужасно интересно. Было бы...

Троллейбус полз, как черепаха на последнем издыхании, а я в уме отсчитывала последние минуты до начала регистрации: десять, восемь, пять...

Вот сейчас там у них, должно быть, грянул марш Мендельсона, а мы ещё и половину пути не проехали.

Когда я наконец добралась до дворца бракосочетания, уже

всё закончилось и никого из наших не осталось. В фойе толпились чужие гости, чужие новобрачные, и ни одного знакомого лица.

Приуныв, я поплелась назад, на остановку, утешая себя тем, что беды ведь большой нет. Свадьба эта не последняя на моём веку. А Анька Иванова мне даже не подруга, просто одноклассница. Она даже с Мишей моим больше дружна (ну потому что они живут на одном этаже в «восьмёрке»).

Я и в числе гостей оказалась лишь потому, что Анька решила позвать на свадьбу всю нашу группу, без исключения.

В «восьмёрке» я уже бывала несколько раз в гостях у Миши, но всё равно чувствовала себя немного скованно, как будто я тут чужая.

Да так оно и есть. Чужая. Если к городу с его шумом, ритмом, суетой я привыкла на удивление очень быстро, то местные нравы меня до сих пор слегка шокируют.

Вот, например, как-то я заехала к Мише утром и застала в его кровати какую-то девушку. Ну, не ужас ли? А он даже не понял, на что я обиделась.

Возмущался так искренне: «Не было же ничего! Мы просто спали!».

И Анька Иванова потом надо мной смеялась между парами: «Ну, ты деревня. Нашла из-за чего обижаться. Мы просто гуляли в их комнате, а та девчонка напилась и отрубилась».

лась. Подумаешь, спали на одной кровати. Что ж ему под кроватью надо было лечь? Или её на пол сбросить?».

Ей было смешно, а мне всё равно это казалось диким и неприятным, но, может, я и правда раздуваю из мухи слона?

Однако, как бы я ни старалась «быть проще», мне тут было не по себе и в обычные дни, а сегодня - так тем более. Кругом галдёж, все снуют туда-сюда, многие уже пьяные, музыка грохочет, даже вахтёрша покинула свою будку, решила, видать, поздравить молодожёнов, да так там и осталась.

Очень захотелось скорее найти Мишу. С ним будет спокойнее.

Слегка робея, я вошла в столовую, откуда на всё общежитие гремел «Watch out» Алекса Гаудино. Пытаясь сообразить, куда бы присесть и где найти Мишу в такой суматохе, я направилась к составленным в ряд столам. Но на пути меня кто-то поймал за локоть и потянул в другую сторону.

Я ойкнула, оглянулась - незнакомый парень с алой лентой на груди тащил меня в самый центр. Свидетель. Он меня с кем-то перепутал?

Рядом с ним крутилась Инка, моя одноклассница и лучшая подруга Ивановой. На её груди болталась такая же алая с золотыми буквами лента. Понятно, тоже свидетельница, только от меня-то им что нужно?

Инка махнула кому-то, и музыка стихла.

- Друзья, новый зажигательный конкурс! - объявила она в микрофон. - Итак, кто желает? Ну же! Веселее! Один участник у нас уже есть.

Она повернулась ко мне, подмигнула. Я ошарашено сморгнула. Какой я, чёрт возьми, участник?! Но Инка уже зывала к остальным гостям.

- Ну, кто ещё смелый? Скорее! Будет весело!

Из-за стола поднялись несколько девчонок и парней. Остальных набрал свидетель - тех, кто сидел ближе, не спра-

шивая, сдёрнул с мест и вытянул вперёд под дружный хохот зала.

Я жутко разнервничалась - не люблю такое вот публичное внимание. Однако старалась вида не показывать, а то опять насмешек не оберёшься: деревня, монашка, трусиха, истеричка, а то и похуже. Так что лучше сделать вид, что всё нормально и я тоже не прочь повеселиться. В конце концов, этого же всего лишь шуточный конкурс.

У меня даже получилось выдавить слабенюкую улыбку, но при этом я всё равно шарила глазами по столовой в поисках Миши. Где вот его носит?

Миши среди гостей не было...

Я беспомощно посмотрела на дверь, которую украшал рисованный цветной гуашью плакат «Аня + Витя», и... сначала почувствовала, а затем напоролась на чужой взгляд, пристальный, тяжёлый, неотрывный. Сердце отчего-то судорожно дёрнулось в груди и зачастило.

Незнакомый парень стоял в дверях, привалившись одним плечом к откосу и заложив руки в карманы чёрных брюк.

Я неожиданно смутилась и отвела глаза, но он продолжал наблюдать за мной так же неотрывно, не меняя выражения и позы. Я это чувствовала. Его взгляд давил своей тяжестью, пугал и притягивал одновременно, заставляя ещё больше нервничать и удушливо краснеть. Щёки зарделись. В ушах оглушительно бился пульс. Что ж такое-то, чёрт возьми? Никогда чужой взгляд не вызывал во мне такие стран-

ные ощущения...

Едва я немного успокоилась, как зачем-то снова оглянулась на незнакомца. Хотела посмотреть вскользь, будто случайно, но встретила его глаза и как в капкан попала. Жар вновь прихлынул к лицу, я отвернулась и больше на него не смотрела, даже боковым зрением, хотя, непонятно почему, тянуло. Абсурд какой-то!

На всякий случай я отошла подальше, скрылась за чужими спинами.

- Разделимся на две группы, - тем временем скомандовала Инка. - Мальчиков и девочек в каждой группе должно быть примерно поровну. Так что вы, молодые люди, переходите сюда, а вы - сюда. А теперь встаньте цепочкой... да, в два ряда... Через одного. Мальчик, девочка, мальчик, девочка... Вот так, да, молодцы... А это у меня что? Не узнаете разве? ... Правильно, Дашуня... Конечно, скалки!

Инка и правда в обеих руках держала по деревянной скалке.

- Зачем они нам? Сейчас всё расскажу! - Она махала ими как дирижёр. - Нет, бой на скалках отложим на потом... Нет, тесто раскатывать тоже не будем... Всё внимание сюда! Смотрим и запоминаем! Итак, зажимаем скалку между ног, чуть выше колен, да, вот так... и теперь надо передать её соседу без помощи рук. Показываю!

Инка зажала бёдрами скалку, пошло выгнулась, ткнулась торчащей рукоятью в ноги рядом стоящего парня, и тот под

возбуждённое гиканье прихватил её коленями.

- Победителем станет команда, которая первая передаст скалку по цепочке до самого конца! - объявила Инка, хлопнула в ладоши, и музыка вновь взревела.

С этим незнакомцем я совсем забыла про дурацкий конкурс, очнулась только, когда участники резко оживились. Стали хлопать, подпрыгивать, кричать: давай, давай! Ноги шире! Вставляй уже! Да сожми покрепче!

За столами ухохатывались.

Долговязый парень, что стоял справа, резко повернулся ко мне. Деревянная рукоять скалки, зажатая у него чуть выше колен, уперлась мне в бедро.

- Задирай юбку и хватай! Быстрее! - гаркнул и подался вперёд в неприличном движении.

- С ума сошёл? - воскликнула я.

Препираться долговязый не стал, а шустро протянул руку, ухватил край подола и дёрнул вверх.

- Хватай быстрее!

Ахнув, я шлёпнула его по руке и отскочила в сторону. Парень выругнулся, а в следующую секунду меня оттолкнула Дашка Семёнова, тоже наша одноклассница (она стояла в конце цепочки), втиснулась, очень ловко прихватила полными ногами дурацкую скалку и передала следующему.

Народ хохотал, отпуская шуточки ниже пояса. Помешкав, я вернулась к столу, рухнула на ближайший свободный стул. Может, все смеялись из-за конкурса, но мне казалось, что

надо мной. И чувствовала я себя почему-то опозоренной.

Затем плеснула себе в стакан сока. Сок неожиданно оказался вином, похожим по вкусу на подкисший арбуз. Я с трудом сделала несколько мелких глотков, и то лишь потому, что пить хотелось нестерпимо, а на столах, кроме вина, была только водка.

Вновь обвела столовую глазами - Миша так и не появился. И тот, другой, незнакомец, тоже куда-то делся. Я даже чуть привстала, чтобы убедиться, что его там больше нет.

Ушёл? Ну и пусть, так дышать свободнее.

Затем достала из сумочки сотовый, но звонить в таком гвалте было невозможно, поэтому просто набила ему эсэм-эску: «Миша, ты где?».

Миша не отвечал.

Напротив и наискосок от меня сидела Алёнка Стародубцева, тоже из нашей группы. Я бы не назвала нас близкими подругами, но, во всяком случае, мы хорошо общаемся. Она немножко сноб, потому что из обеспеченной и интеллигентной семьи, но в целом милая.

Я обошла стол и под села к ней.

- Ты Мишу не видела? - спросила.

Она наморщила лоб.

- Нууу... на регистрации он точно был. Передо мной стоял. А тут тоже вроде пару раз мелькал в самом начале. А тебя почему не было в загсе?

- Так получилось, - пожала я плечами.

Под ложечкой отчего-то неприятно засвербело. И никак не получалось отогнать это неясное, но навязчивое ощущение. Всё дело в Мише, сообразила я наконец. Он не хватился меня ни на регистрации, ни здесь. Не позвонил, не написал, как будто не заметил, что меня нет, хотя должна быть. Это вдруг обидело и расстроило.

- Ой, ничего не потеряла, - махнула рукой Алёнка, по-своему истолковав мой скисший вид. - Мы там как самые нищebroды, если честно, были. Даже не фотались, ну вот только кто на телефоны снимал и всё. А у других прямо насто-

ящие операторы с такими бандурами на плече ходили, каждый шаг снимали. Про банкетный зал вообще молчу, у нас даже шампусика не было. Быстро расписались и отчалили. Притом другие все приезжали-уезжали на лимузинах, меринах, ну или просто на иномарках, но таких... приличных. И только наши - на чьей-то раздолбаной Ладе прикатали, ну, жених с невестой и свидетели - на Ладе, а мы все так вообще на трамвае сюда ехали.

- Так студенты же... откуда деньги на банкеты и лимузины.

- Ну вот я и не понимаю, зачем было так торопиться с этой свадьбой? Они же даже жить вместе не смогут.

- Да? - удивилась я.

- Ну, конечно! Там же закрытый военный городок. И Витя её не офицер какой-нибудь, простой курсант. Кто её туда пустит? Или ты думала, что она с ним в казарме будет жить на сорок человек?

Я пожала плечами, по большому счёту, мне было всё равно, как там Анька Иванова и её новоиспечённый муж будут выкручиваться.

- Нееет, - мечтательно протянула Алёнка, - если уж играть свадьбу, то такую, чтобы всё было на высшем уровне. А не вот это всё... Вина надо выпить. И вот вино - ну разве это вино? Бражка какая-то.

Алёнка брезгливо скривилась, но тем не менее налила и мне, и себе. В винах я не смыслила ничего, но второй стакан показался мне уже не таким противным, как первый.

Сзади к нам подошёл парень, видимо, тоже иватушник, приобнял обеих за плечи и пьяно улыбнулся:

- Что груstim, девчонки?

- А кто сказал, что мы груstim? - хмыкнула Алёнка.

Но парень всё равно втиснулся между нами.

- Я - Захар, - представился довольный.

- Тоже иватушник? - спросила Алёнка.

- Угу, нас тут много. Мы все с одного курса. По ходу, скоро драка будет, - предрёк он.

- Почему? - удивились мы и завертели головами в поисках потасовок.

Но все казались вполне весёлыми и радостными. И никаких конфликтов даже в зародыше мы не заметили.

- Ну, свадьба же. Да и ваши пацаны на нас зуб точат.

- Пфф. Тебе кажется. Что им с вами делить?

- Вас, - хохотнул Захар.

Алёнка засмеялась, я тоже улыбнулась, но улыбка получилась вымученной - у меня вновь возникло предчувствие чего-то неизбежного и опасного. И, вместе с тем, появилось ощущение странного дискомфорта, словно кто-то следит за мной.

Я, будто точно зная, откуда исходит это ощущение, повернулась вправо и встретила взглядом с «неизбежным». Тот самый парень, который стоял в дверях, сидел теперь чуть поодаль от нас и снова прожигал меня взглядом. Правда, не так неотрывно, да он и общался с кем-то, но то и дело на меня

посматривал. А меня бросало то в жар, то в озноб.

Как за спасительную соломинку, я опять схватилась за телефон - ответа от Миши так и не было. Я отправила ему ещё одну эсэмэску без особой надежды, просто чтобы чем-то занять руки. Вечно не знаю, куда их деть, когда вот так нервничаю. Почти залпом, не чокаясь, выпила вино, которое подсунул Захар:

- Выпьем за приятное знаком... - осёкся он, глядя на меня, потом улыбнулся ещё шире: - Вот это наш человек!

Как же, ваш! От вина мне стало ещё жарче. В груди пекло, кожа горела. Голова у меня резко отяжелела, будто свинцом налилась, я даже подпёрла лицо руками. Но зато волнение почти улеглось, я даже нашла в себе смелости открыто посмотреть на незнакомца. Пусть знает, что я не смущаюсь от его взглядов. Хотя, конечно, смущаюсь...

А он ничего такой, сформировалась неожиданная мысль. Высокий, широкоплечий. Ворот кипенно-белой рубашки расстёгнут на несколько верхних пуговиц, и в прореху видна крепкая смуглая шея. Под тонкой тканью бугрятся мускулы. Тёмные волосы стрижены под полубокс. Чёрные прямые брови чуть сведены к переносице, отчего вид у него чересчур серьёзный. Особенно на фоне остальных развесёлых курсантов.

Он вполне мог бы считаться даже красивым, будь у него лицо не такое... суровое, что ли. Или жёсткое. А косой шрам под скулой ещё больше подчёркивал эту жёсткость. Может,

потому и возникало ощущение неумолимой опасности.

Я поймала момент, когда он отвернулся, и спросила у Захара.

- А вон тот, в белой рубашке, тоже ваш?

- А, да, наш... Это Олег. Хочешь познакомиться? - разулыбался он понимающе.

- Нет, нет, нет, - закачала я головой протестующе. - Не хочу, конечно! Я просто... просто так спросила. Он таким серьёзным выглядит.

- Ага, Олег у нас такой. Серьёзный. Лучший курсант, между прочим, так что рекомендую.

- Не смущай девушку, - прервала его Алёнка Стародубцева. - И к тому же, у неё уже есть парень.

- В самом деле? И где же он? Чревато оставлять без призора такую симпатичную девушку.

Захар был мил с нами обеими, но я видела, что Алёнка ему больше нравится. Наверное, ему хотелось общаться с ней наедине, да и Стародубцева, судя по всему, не возражала бы. Третьей лишней мне быть не хотелось, поэтому я встала из-за стола и направилась к выходу.

- Я не танцую, - уловила я низкий голос с хрипотцой.

Не удержалась, скосила глаза и снова поймала его взгляд, тяжёлый, тёмный, немигающий.

- А что так? - цепляла его за рукав белой рубашки девчонка с нашего курса.

- Не хочу, - отрезал он, не сводя при этом глаз с меня.

Я сглотнула и торопливо прошла мимо них.

- Фу, какой ты бука... - последнее, что я услышала за спиной перед тем, как выскочила в коридор.

В холле музыка не так сильно грохотала, и я решила снова набрать Мишу, но увидела на экране конвертик - он сподобился ответить: «Я у себя, через 5 сек спущусь». Ответил он почти полчаса назад, но, очевидно, так и не спустился. Ну, ладно, раз Магомед не идёт к горе, наведаюсь к нему сама.

Комната Миши находилась на последнем, пятом этаже. Звуки из столовой сюда уже совсем не долетали. И, видать, весь местный народ гулял сейчас на свадьбе, потому что коридор был непривычно пустой и безмолвный. Лишь из Мишиной комнаты доносились обрывки разговора и смех.

Разве так нормально? Я его там потеряла, а он и в ус не дует, сидит там с кем-то, болтает, смеётся.

Я решительно направилась к его двери, слегка приоткрытой, занесла руку, чтобы приличия ради постучать, а уж потом войти, как отчётливо слышала:

- ... ну, что, ещё по одному заходу? - спрашивал кого-то Миша.

- Не, Мишган, я пас. Меня и так уже штырит не по-детски.

- Ага, пойдёте лучше вниз, поточим что-нибудь, - подал голос кто-то третий. - И так там, наверное, уже всё смели.

- Тебе, Ромыч, лишь бы жрать, - непривычно растягивая гласные, сказал Миша и тоненько хихикнул.

- Ну а что? После планчика - самое оно! А тебя там Машка твоя не потеряла? Смотри, тоже найдёт себе лётчика, как Иванова.

Я уже хотела войти и посмотреть, что там такое творится, но любопытство взяло верх. Интересно стало, что на это ответит Миша.

- Ну прям, скажешь тоже. Если б я позволил - так Машка бы по пятам собачкой за мной ходила. Она у меня ручная. Вон, пока мы тут сидим, сто раз позвонила и написала: Миша, ты где...

Последнее он произнёс противным фальцетом, и те двое захохотали. А я вспыхнула, будто мне публично отвесили пощёчину.

- Так ты ей уже вдул?

Я оцепенела. Нет, не говори им! Ты же поклялся, что никому не расскажешь.

- А то!

- Что, правда? Свершилось? Дала-таки? Ну, молодца. Мужик. Я-то думал, она тебя так и будет обламывать.

- С чего это? - фыркнул Миша. - Да я уже как только её ни трахал. И сегодня трахну. Если захочу. Как захочу, так и будет.

Он на несколько секунд заткнулся и, глумливо усмехнувшись, добавил:

- Это Машка с другими такая недотрога. А со мной... - Миша снова гадко хихикнул... - по первому свистку раздвигайся!

нет ноги. Если захочу. А не захочу - будет молчать в тряпочку. И послушно ждать. И в рот смотреть. А ты говоришь: лётчик.

- Не, ну ты прав, в принципе...

- Конечно, прав! Бабу свою надо держать на коротком поводке. Чтоб место своё знала. Моя - знает. Это вон Костян - подкаблучник, Оксанка им вертит, как хочет...

- Чего это...?

Я в ужасе отшатнулась от двери. Лицо полыхало огнём от стыда, от немыслимого унижения. Будто Миша меня не просто публично ударил, а облил помоями, распял и препарировал. В груди встал тяжёлый ком так, что каждый вдох давался с трудом и болью.

Я попятилась, потом развернулась и побежала прочь, вдоль по коридору, затем свернула на лестницу, спустилась на несколько пролётов и обессиленно, как подкошенная, присела на корточки. Буквально сползла спиной по стенке. Казалось, иначе ещё шаг и я просто упаду, ослабевшие ноги не удержат.

Ком в груди, казалось, стал огромным и распирает так, что вот-вот проломит рёбра. Это колотилась во мне истерика, рвалась наружу, сотрясая тело. Я крепко зажала обеими руками рот.

Как он мог? Как мог говорить обо мне так, словно я вещь? Так уничижительно, так похабно... Мы с Мишей встречались больше года, и никогда, ни разу он не был груб, даже когда

ссорились. Мог повысить голос, но такие ужасные слова себе не позволял. Да и сразу же спохватывался и очень искренне потом извинялся. Ромашкой называл...

А как омерзительно он говорил про нашу близость!

Первый раз у нас случился месяц назад, на его день рождения. Он обращался со мной так нежно и трогательно... И хотя мне тогда было очень больно, физически больно, на душе оставалось только светлое, тёплое чувство. Будто мы после этого стали ещё ближе, будто между нами возникла невидимая и прочная нить, Ведь мы открылись друг другу до конца, обнажили самое сокровенное.

Во всяком случае, для меня это было сродни некому священнодействию, когда отдаёшь кому-то всю себя, без остатка, без сожаления. Для меня это был акт доверия и полного единения. Для меня это было важно и ценно, а он: трахал... раздвинет ноги по свистку...

После этих его слов, которые до сих пор рефреном звучали в ушах, я чувствовала себя растоптанной и грязной. И это невыносимо больно. Я услышала собственный сдавленный всхлип и крепче зажала рот. Задышала шумно, тяжело, пытаюсь побороть подступавшие рыдания.

Сверху раздались голоса и топот.

- За что люблю свадьбы - там куча жратвы и куча пьяных тёлочек, - сказал тот, кого Миша называл Ромычем.

- Ага, выбирай любую, - поддакнул Миша.

Я затаилась, вжалась в самый угол. Вот же я дура! Надо

было бежать отсюда прочь, куда подальше! Да хоть ползком ползти. Зачем я тут засела? А если они меня увидят?

По счастью, на лестнице было темно, только на этажах горел свет, но его полосы тускло освещали лишь ближайшие ступени. Может, они меня не заметят? Хоть бы!

- Тебе-то какая любая, Мишган? У тебя там Машка. Изждалась уж, наверное.

- А я её сейчас отправлю. Пусть домой валит, - Миша прошёл совсем рядом, меня обдало запахами табака и парфюма. - Я что, дурак - такой шанс упускать? Столько доступных тёлок.

Я как будто превратилась в камень, холодный и мёртвый.

- А Машка никуда не денется, - донеслось снизу.

Он меня не заметил. Никто из них меня не заметил.

Так странно, рыдать мне больше не хотелось, как будто внутри внезапно наступил штиль. Но это был не штиль, просто там всё умерло. Я ничего не чувствовала больше - ни стыда, ни обиды, ни боли. Я словно впала в анабиоз. Окаменела и осыпалась в сухое крошево, в пыль...

Как теперь жить дальше? Как мне всё это вынести?

Я не сразу сообразила, что надо мной кто-то возвышается. Насилу подняла голову, взглянула вверх. Глаза уже привыкли к темноте, и я сразу различила мужской силуэт, белеющую рубашку, пристальный взгляд. Но последнее я вполне могла и додумать сама.

Анабиоз продолжал действовать - на этот раз я не почувствовала ни смущения, ни жара, ни трепета, даже несмотря на то, что он... (ах да, Олег, вспомнила я) стоял так близко.

- Тебе плохо? - спросил он.

Я промолчала. Губы занемели, язык одеревенел. Да и это «плохо» - какое оно слабое и блёклое. Оно даже вполонину не выражало то, что я действительно чувствовала.

Не дождавшись ответа, он вздохнул и присел напротив меня на корточки.

- Ну, что случилось? Говори, - без стеснения он взял мою руку и легонько сжал.

Я покачала головой.

- Обидел кто-то? Или тошнит?

Я снова мотнула головой, а он снова вздохнул и повернулся в сторону лестничного пролёта, будто что-то высматривал на ступенях. Профиль у него был красивый и при этом очень мужественный, как у античного бога.

- Тебе хочется здесь сидеть? - он опять повернулся ко мне.

Я по инерции пожала плечами, но, ощутив на коже его дыхание, тёплое, пахнущее мятой, невольно сглотнула. То самое чувство манящей опасности вновь шевельнулось где-то глубоко в животе.

- Может, тогда вернёмся в зал?

Только не это! Сейчас я не в состоянии видеть Мишу.

- Нет, не хочу, - выдавила я и сама не узнала собственный голос. Сиплый такой и надрывный.

- Ну, может, тогда выйдем на улицу, подышим, освежимся?

- Да, давай, - согласилась я.

Мне и правда хотелось на воздух.

Он поднялся и подал руку, а пока спускались по лестнице, придерживал меня под локоть.

- Я - Олег, - представился он, раскрывая передо мной входную дверь.

- Маша, - ответила я тихо.

Здесь, при свете, его взгляд в упор снова меня тревожил: обжигал, затягивал, заставлял сердце учащённо колотиться. Глаза его вблизи оказались необычного оттенка, очень тёмного, серо-синего, как грозовое небо.

На крыльце перед общежитием толпился народ, в основном, все наши. Курили, смеялись. Пришлось протискиваться между ними.

Я немного напряглась, но увидев, что Миши среди них нет

- облегчённо выдохнула. Не знаю, смогу ли ещё когда-нибудь без горечи на него смотреть, без обиды и злости с ним разговаривать. Сомневаюсь.

Олег спустился с крыльца сразу вслед за мной, затем поравнялся и взял меня за руку. Крепкая, сухая и тёплая его ладонь, наверное, должна была бы успокоить меня, но я наоборот заволновалась ещё больше, до дрожи в коленках. От тупого и бесчувственного оцепенения почти и следа не осталось.

- Вахта сегодня, по ходу, останется без вахтёрши... - сказал кто-то в толпе. - Накидалась бабка в хлам...

- Э, видели? Это кто щас прошёл? Машка же?

- Оба-на! Какой-то левый чувак Михину Машку подснял. Фигасе, тихоня отжигает!

Я вспыхнула, хотела поскорее уйти, чтобы не слышать этих идиотов, но Олег выпустил мою ладонь, развернулся и двинул прямо на них. Что он делает? Зачем? Их же толпа, а он - один!

- Не надо, Олег, - попросила я, но он уже прихватил одного за предплечье, чуть повыше локтя. Кажется, его звали Валик и жил он тоже в общежитии.

- Извинился, - велел ему Олег, глядя исподлобья.

Валик сначала дёрнулся, прикрикнул:

- Эй, ты офигел? Руку убери.

Но Олег только крепче стиснул хватку так, что у самого побелели костяшки. Он больше ничего не делал, только сжи-

мал Валику руку и смотрел. Но вот как он смотрел! Будто ещё миг - и он попросту раздавит его как насекомое. Или же вырвет тощую конечность Валика. Остальные сначала, замерев, стояли, потом загалдели: ты чего? Отпусти его! Какого хрена ты творишь? Эй, лётчик, ты рамсы попутал?

Однако они лишь орали, на большее не решались.

- Тихо, - бросил Олег нашим, метнув в них взгляд, и, что странно, те тотчас заткнулись. И даже чуть отступили назад.
- А тебе я сейчас руку сломаю.

Олег вроде и ничего не сделал, ну, может, сжал ещё сильнее, но Валик изогнулся и взвыл.

- Я извинюсь, извинюсь... - запричитал он. - Только отпусти!

Лицо Валика сделалось неестественно белым. Олег резко выпустил его, Валик со стоном согнулся пополам, потом выпрямился, потирая предплечье. Посмотрел сначала затравленно на Олега, затем - на меня:

- Извини, Маша. Пожалуйста.

- Маша, извиняет? - серьёзно спросил меня Олег.

Я поспешно кивнула.

- Извиняю.

- Твоё счастье, - Олег смерил Валика убийственным взглядом, от которого даже мне захотелось поёжиться. Потом шагнул ко мне и, как ни в чём ни бывало, взял за руку.

Мы в молчании спустились к набережной. От Ангары веяло свежестью. Несмотря на довольно поздний час, здесь былолюдно. Парапет буквально облепила молодёжь. На каждом шагу пили пиво, орали песни под гитару. Олег, казалось, никого не замечал. Просто шёл неспешно, ни на кого не глядя, пока не набрали на свободную скамейку.

Несколько минут мы безмолвно созерцали тёмное небо с россыпью звёзд, иллюминацию над плотиной, напоминавшую новогоднюю гирлянду, огни города на другом берегу реки. Красиво, даже завораживающе, просто идеальный антураж для романтического вечера. Жаль, что это не про меня.

Я почти не замечала этой красоты. Слишком много самых разных эмоций я сегодня пережила, да и до сих пор переживала. И теперь совсем запуталась в своих ощущениях. Если час назад мне было настолько горько и больно, что умереть хотелось, то сейчас и боль, и горечь... ну не то чтобы совсем исчезли, но затихли, уступили место волнению, жаркому, мучительному, но в то же время странно-приятному. Разве это нормально - испытывать такое к незнакомому парню? Ведь нет! Даже с Мишей ничего подобного ни разу не было, а тут... Это как-то неправильно, нехорошо, но... от его

запаха, от тепла его тела у меня в голове всё плыло.

Олег сидел совсем близко, и эта близость вызывала у меня дрожь, с которой никак не получалось совладать. От каждого случайного соприкосновения по коже проскакивал разряд, и я закусывала губу, стыдливо краснея. Неужели он этого не чувствовал?

Сердце то сжималось, то гулко бухало в груди, разгоняя по венам горячую кровь. Я даже речной прохлады не ощущала. Только почему он молчит? Это молчание ещё больше обостряло все эмоции, до предела просто. Сказал бы хоть слово, иначе я точно сойду с ума от этого напряжения.

- Можешь мне рассказать, что с тобой случилось, - наконец нарушил он молчание. - Я умею слушать и умею молчать.

Что молчать умеет - это я уже и сама поняла. Рассказывать ему про Мишу большой охоты, конечно, не было. Я бы лучше спросила его, почему он за мной пошёл, почему смотрел так весь вечер - вот что занимало меня в эту минуту. Но спросить об этом я бы ни за что не осмелилась.

- Мой бывший парень... - начала я, обдумывая, как лучше выразиться, - ... обсуждал меня с друзьями. А я случайно услышала.

Олег молчал. Просто молчал, даже непонятно, слышал ли он меня. Растерянно я добавила:

- То, что он говорил про меня, было... было очень гадко, ну и... не совсем правдиво.

Ну,отреагируй как-нибудь! Зачем ты тогда спрашивал?

- Бывший? - переспросил Олег.

- Да.

- Ты его любишь?

Я прислушалась к себе. Ещё утром я бы, не задумываясь, сказала: да, конечно! А как же иначе?

Но сейчас ничего подобного не чувствовала. Как отрезало.

Так, может, и не было никакой любви? Не могла же она исчезнуть в один миг, пусть даже он и сделал мне больно. Мне казалось, что ни боль, ни самая сильная обида не могут убить чувства, во всяком случае, в одночасье. Может, просто я привычку принимала за любовь?

- Наверное, нет, - ответила я. - Ведь когда любишь - не сомневаешься.

Я ждала, что он поддержит меня словом, но он только хмуро смотрел вдаль, на другой берег, мерцающий огнями. А потом сказал неожиданное:

- Мы с тобой встречались недавно. Если точно - в прошлую субботу.

- Правда? - удивилась я.

- Ехали в одном троллейбусе. Ты тогда книгу какую-то читала, а я за тобой наблюдал. Ну то есть не наблюдал, просто я близко стоял... Потом ты кому-то место уступила и встала со мной рядом, а на Филармонии вышла, но перед тем, как выйти, спросила у меня, не буду ли я на следующей выходить. Я посторонился, пропустил тебя, и ты мне улыбнулась.

У тебя, кстати, красивая улыбка.

- Я не помню этого совсем... извини.

- Тут не за что извиняться, - пожал он плечами. - Но представь, как я удивился, когда увидел тебя сегодня. Может, это судьба?

Олег улыбнулся краешком губ. Надо же! Он умеет улыбаться и шутить?

- А ты фаталист? - я тоже не сумела сдержать улыбку.

- Это вряд ли, - снова усмехнулся Олег. - Плыть по течению - точно не мой вариант.

И он снова замолчал. Мне хотелось столько всего расспросить у него, но я не решалась, поэтому мы просто сидели рядом. Я думала о нём, а о чём он - неизвестно.

Слова Олега даже как-то придали мне уверенности, хотя волнение всё равно никуда не делось. Но он меня заметил! Запомнил! Ещё и улыбка у меня красивая! То-то я теперь улыбалась, не переставая.

Неожиданно я поймала себя на мысли, что мне стал очень нравиться этот вечер, несмотря на Мишу, на его ужасные слова, на пережитое совсем недавно унижение. И я понимала, что это до крайности легкомысленно - только расстаться с одним парнем (а в мыслях я с Мишей рассталась окончательно и бесповоротно, пусть он об этом пока и не знает) и вот уже быть с другим. И при этом пьянеть от какого-то странного удовольствия. Завтра наверняка мне будет стыдно, но сейчас об этом даже думать не хотелось.

Солнце село. Воздух быстро терял тепло и наполнялся прохладной свежестью. Я зябко поёжилась, и Олег тут же обнял меня за плечи, притиснув к себе. Я судорожно вдохнула и зарделась. Счастье, что стемнело и он не видел моего почти панического смущения.

Его тело казалось таким горячим, что я не просто вмиг согрелась, но и вскоре уже буквально плавилась...

- Хорошо так, - неожиданно произнёс Олег, слегка сжав моё плечо.

Однако не успела я погрузиться в новый прилив эйфории, как он добавил:

- Жаль, уже пора.

Затем мы вернулись в общежитие, думали, лишь на минуту, но... пришлось задержаться. Потому что подросли мы к самому началу побоища. Нет, там и до нашего возвращения обстановка уже накалилась, но мы попали в самый пик.

В вестибюле нам встретился Толик Труфанов - мой одногруппник. Он так нёсся, что едва с ног нас не сбил.

- О, Маша... Там такая заварушка начинается, самое время отчаливать по домам, - Толик кивнул в сторону столовой, откуда и правда доносились крики и ругань.

- А что случилось?

- А пойми их, - пожал плечами Толик и, покосившись на Олега, добавил: - По-моему, наши с иватушниками сцепились. Из-за девок вроде. В смысле, девушек.

- А ты домой?

- Домой, конечно. Как-то нет желания участвовать в этой битве самцов.

Толик нервно хихикнул и снова бросил на Олега настороженный взгляд, Олег же смотрел на Толика как на пустое место. Но Толик не трус, на самом деле. Просто он далёк от всего этого. У него цель - стать журналистом с именем, и он старается, из кожи вон лезет. В библиотеке едва ли не ночует. А все эти мексиканские страсти ему просто неинтересны. Да и какой из щуплого интеллигента Толика боец?

Тут в столовой что-то страшно загрохотало - стульями там, что ли, кидались? Раздался звон бьющегося стекла, кто-то пронзительно завизжал.

Толик, вздрогнув, оглянулся.

- Ну всё, я побежал, - бросил мне на ходу.

Олег повернулся ко мне:

- Маша, ты подожди здесь, я сейчас... Посмотрю только, что там происходит.

- Нет, я с тобой.

Он нахмурился, вздохнул:

- Ладно, но будь тогда рядом и никуда не встревай, а то мало ли...

Мы застыли в дверях, глядя на поле боя. Несколько столов и с десятков стульев были опрокинуты, каменный пол - сплошь усыпан битой посудой, бутылками, объедками. Занавеска вместе с карнизом на одном из окон оборвана.

Потасовка вовсю набирала обороты. И в самом деле, наши схлестнулись с курсантами. Дураки! Курсанты их ведь в два счёта сейчас размажут. Они все такие крепкие, как на подбор, и друг за друга горой. А у наших только пьяный гонор.

Девчонки жались по стенам и вскрикивали. Анька Иванова в свадебном платье, улитом красным вином, висла на руке своего новоиспечённого мужа и слёзно просила не вмешиваться.

Олег одними губами выругнулся, потом посмотрел на ме-

ня и за локоть утянул в самый угол. Поставил как куклу и, наклонившись к самому уху, сказал:

- Стой, пожалуйста, здесь. Я попробую их уговорить, а то у пацанов проблемы потом большие будут.

Его тёплые губы коснулись мочки, горячее дыхание вызвало волну дрожи во всём теле и россыпь мурашек вдоль позвоночника. Я даже не сразу уловила смысл его слов, и ответить ничего не успела - он уже отошёл.

Завернул за металлическую стойку, где в обычные дни орудовала поварёшкой раздатчица, вроде стал что-то искать. А я привалилась к прохладной стене, потихоньку остывая. Что со мной такое творится? Как дура, ей-богу. Будто я зазирилась царящим кругом безумием, как вирусом. Нет, надо срочно взять себя в руки!

А Олег... Что он сделает один? Там такая куча мала! У них уже и лица в кровь, а они этого даже не замечали. Такие дикие все. Так остервенело бились, как будто не на жизнь, а на смерть.

Может, лучше вызвать милицию, пока эти ненормальные друг друга не поубивали?

И словно в ответ на мои опасения Миша, тоже с окровавленным лицом и какой-то совершенно ошалевший, вдруг схватил бутылку водки и разбил её о батарею. Затем, выставив розочку перед собой, как ножик, двинул на Захара, того самого, который некоторое время назад мирно болтал со мной и Алёнкой Стародубцевой.

Я едва не захлебнулась собственным криком. Но в следующую секунду Олег ринулся к дерущимся с огнетушителем. Направив шланг, он выдернул чеку, нажал на рычаг, и в Мишу, и в Захара, и во всю оголтелую толпу полетела мощная струя, заливая всё кругом густой белой пеной.

Драка тут же прекратилась.

Парни, матерясь, отскакивали в разные стороны, спасаясь от огнетушителя. Некоторые падали на мокрый пол, неуклюже поднимались или отползали, но продолжать выяснять отношения больше никто, похоже, не хотел. Пена оседая превращалась в обычные лужи.

- Это что сейчас такое было? - спросил один из курсантов, отряхивая джинсы.

- Да это вон Олег выступил, - бросил Захар.

- Ну и нахрена? Я как в таком виде пойду? Весь мокрый как цуцик...

- Нахрена? Что, по нарядам соскучился? Всё, нам пора, расходимся, - жёстко произнёс Олег.

Спорить с ним никто не стал, лишь немного посокрушались по поводу вымокшей одежды и ушли.

Наши тоже на рожон больше не лезли, сбились в кучку в другом конце столовой и что-то бурно обсуждали.

Олег вернулся ко мне, оставив использованный огнетушитель на стойке раздатчицы.

- Быстро ты их унял, - пролепетала я почти с восхищением. - Молодец, а то мне аж страшно стало.

- Да ерунда. Просто у нас с этим очень строго... ну, драка с гражданскими. Если узнают, конечно. И наряды - это ещё,

считай, легко отделался.

- А, два наряда вне очереди, - вспомнила я знакомое из сериала «Солдаты».

- Если бы два, - хмыкнул он. - Могут и пять нарядов впасть, и увольнений на месяц лишить. И это если без травм обойдётся. А вообще - вплоть до отчисления.

- Строго у вас, - признала я.

- Ну, порядок должен быть, - пожал плечами Олег и снова замолчал, но при этом глаз с меня не сводил. А в них такой сумрак! И вовсе не потому, что зрачки расширились и почти поглотили радужку, отчего теперь глаза его казались бездонными и абсолютно чёрными. Просто он смотрел так, будто видит меня насквозь, будто знает все мои мысли и чувства, будто подчиняет и утягивает за собой в бездну. Это завораживало и пугало, но не было ни сил, ни желания ему противиться. Стыдливый румянец опалил щеки.

- Маша!

Я и не заметила, как рядом с нами возник Миша. Кровь с лица он кое-как вытер и бутылочную розочку выбросил, но всё равно выглядел устрашающе: перекошенное лицо, пустой взгляд, сосульки волос налипли на лоб, на мокрой серой футболке бурые пятна.

- О, Маша, как хорошо, что ты здесь! Пошли ко мне. Подлечишь меня, приласкаешь, - последнее он буквально промурлыкал, и губы его растянулись в улыбке.

- Нет, Миша, никуда я с тобой не пойду.

- Чего это? - он продолжал улыбаться. - Злишься, да? Злишься, что я немного задержался? Ну значит, не мог раньше, дела были, понимать надо.

- Я понимаю. Просто не хочу идти с тобой. Мы, Миша, больше не вместе.

Наконец его улыбка, больше похожая на гримасу, сошла с лица.

- Е***, ты нашла время выёживаться. Не видишь, что ли, что эти черти устроили? Пошли, я сказал.

- Миша, уйди.

- Это и есть твой бывший? - спросил меня Олег.

Я кивнула, предчувствуя неприятности.

- Пожалуйста, не надо, - попросила я Олега, путаясь в ощущениях.

- С чего это бывший? - возмутился Миша. - С каких это пор я стал бывшим? Ты чего вообще несёшь? Ты с дуба рухнула? И это что за хрен с тобой?

- Шагай отсюда, - мрачно сказал ему Олег. - Ты и так слишком много сегодня наговорил.

- Тебя не спросил, куда мне шагать, - огрызнулся Миша и по-петушиному выпятил грудь. Потом перевёл на меня злой взгляд. - Я что-то не понял, ты с ним...?

- Да, я с ним. Уходи, Миша.

- Уходи, Миша? Вот так значит? Вчера, значит, - "Миша, я твоя", а сегодня - "Уходи, я с ним"? Не ожидал такого от тебя. Недотрогу из себя строила, а стоило мне отвернуться,

как... - Миша презрительно скривился. - Шлю...

Миша не договорил, Олег резко, без всяких слов, ударил его кулаком в лицо. Миша даже ойкнуть не успел, просто рухнул как подкошенный и остался лежать на полу без чувств.

- Ты его убил? - перепугалась я.

- Нет, конечно, просто вырубил, - невозмутимо ответил он.

Наши, завидев, что Миша лежит распростёртый на полу, подскочили с криками, с матами, готовые яростно мстить. Я перепугалась - неужели они набросятся кучей на одного? Это же нечестно!

- Перестаньте! Не надо! Пожалуйста! - заверещала я, но мой голос потонул в грубых криках.

Олег оттеснил меня в сторону, заслонил собой. Напрягся, как большой и хищный зверь перед прыжком.

А в следующий миг в столовую ворвались девчонки с визгом: «Менты!».

Наши тотчас подхватились и, расталкивая друг друга, рванули прочь. Олег повернулся ко мне, взял за руку, крепко сжав ладонь, и быстро вывел из столовой. Но в вестибюль уже вваливался наряд ППС. Мы проскочили мимо, свернули на лестницу, поднялись на два пролёта и остановилась на тёмной лестничной площадке. Вдвоём, близко-близко друг к другу.

- А что если они пойдут по общежитию? Искать начнут...

- шептала я, задыхаясь от этой близости.

- Это вряд ли, - так же шёпотом ответил Олег. - Просто осмотрят место происшествия, составят рапорт и передадут в дежурную часть. Ну и если кто попадётся на месте, того загребут с собой.

- Там же Миша...

- Мда, Миша... - повторил он, но я не поняла его интонации и встревоженно взглянула в его лицо.

Глаза немного привыкли к темноте, и я теперь мало-мальски различала его черты, блеск глаз, нечёткий контур губ.

Крепкое тело под тонкой тканью рубашки дышало жаром. Казалось, тронешь и обожжёшься. Я вдруг поймала себя на мысли, что мне хочется обжечься. И ещё хотелось, чтобы он меня поцеловал, но Олег и не пытался, просто стоял и смотрел на меня. Буквально поедая глазами. Я устыдилась своего порывистого и нескромного желания. Никогда за собой ничего подобного не замечала. Может, это просто вино до сих пор не выветрилось? Или вот таким образом сказывается только что пережитое волнение?

Примерно через четверть часа Олег тихо сказал:

- Ну всё, уехали, по-моему. Пойдём?

Из общежития мы вырвались около полуночи. Мишу - он уже оклемался - действительно увезли в отдел. А перед тем приезжала Скорая, тоже по его душу, но почти сразу уехала. Видимо, и правда - ничего с ним опасного.

- А зачем его забрали в отдел? - спросила я, пока мы не спеша брели к дороге. - Что там с ним будут делать?

Миша, конечно, оказался большой сволочью, но я всё равно беспокоилась и проблем с законом ему не желала. Хотя нет, не беспокоилась, просто не желала. Всё, что я чувствовала к Мише, ушло, испарилось и всё. Самой не верилось, что так бывает, но тем не менее ещё вчера я мечтала, что выйду за него замуж, а сегодня - даже видеть его не хочется.

- Показания снимут да отпустят, - безразлично ответил Олег.

- Значит, ничего страшного не будет?

- Да всё нормально будет с Мишей, не переживай.

- Да я вообще не за него переживаю, - слишком горячо и поспешно возразила я и тут же смутилась собственной горячности и поспешности.

Олег приостановился, взглянул на меня и, кажется, улыбнулся. Потом достал сотовый и вызвал такси. Коротко назвал адрес: автобусная остановка «Волжская». Для нас это был

просто ориентир, куда подъехать шофёру, но на остановке ещё стояли люди, четыре одинокие фигуры. Хотя транспорт перестал ходить примерно час назад.

«Молния» - так называлось такси. Но название своё «Молния» совсем не оправдала. Мы прождали машину минут сорок, не меньше, и это при пустых дорогах.

В тонком коротком платье я здорово озябла. Олег, заметив, что я дрожу, прижал меня к себе и крепко обнял. Тепло его тела проникало в меня, разливаясь истомой и слабостью. В тот момент мне было хорошо и спокойно, а о том, что он - практически чужой, едва знакомый мне человек, даже не думалось. Да и если честно, за эти несколько часов, за единственный вечер он умудрился стать мне гораздо ближе, чем Миша за полтора года. Так мне казалось.

Таксист соизволил подобрать нас, когда я уже думала, что мы так простоим до утра, до первых троллейбусов. Даже те одинокие фигуры уже куда-то разбрелись, потеряв надежду.

Мы с Олегом нырнули в тёплый салон, пропахший приторным ароматизатором. Плюхнулись оба на заднее сиденье. Он вытянул руку вбок, пристроив её вдоль спинки так, будто обнимает меня за плечи.

Водитель чуть убавил звук радио, не оглядываясь, спросил:

- Куда едем?

- Тебе куда? - спросил Олег, и я вдруг поняла, что мне не хочется с ним прощаться, не хочется, чтобы этот странный

вечер вот так заканчивался, точнее, уже ночь.

А потом вспомнила Анну Гавриловну и испугалась. Бабка меня точно не пустит, она упрямая, а если и пустит, то потом заест до смерти. И маме доложит, мол, по ночам шляюсь, да ещё и присочинит как обычно.

Пока я раздумывала, Олег назвал адрес: Первомайский и номер дома, какой - я не расслышала. Таксист тронулся, и я сообразила, как всё это выглядит со стороны: я же практически напросилась сама на ночлег к нему, к парню, которого знаю всего один день. Словно я какая-то... ну вот то слово, которое Миша не договорил.

Мне стало ужасно стыдно перед ним и даже перед этим таксистом немножко.

- Понимаешь, у меня просто бабка злая, ну, у которой я снимаю комнату, - стала я тихонько объяснять Олегу - надо же хоть как-то спастись образ. - Ну и она на ночь закрывает дверь на засов. И сегодня сразу сказала, что не пустит, если приду поздно.

Олег, повернувшись ко мне, внимательно слушал. И хоть бы хмыкнул, уткнул, да какой угодно звук бы издал, но нет, он опять молчал. И мне от этого становилось совсем неловко, будто я распинаюсь впустую.

- Так что не подумай, пожалуйста, - продолжала я бормотать, краснея, - что я такая... ну...

- Какая - такая? - наконец он прервал своё молчание. Но при этом развернулся ко мне всем корпусом, придвинулся

ближе, наклонился к самому лицу, заставив меня пылать от смущения.

- Ну... поехала ночью к парню... с которым только-только познакомилась... как это называется?

- Забавная ты, - усмехнулся он. - Не бойся, если не захочешь - ничего такого не будет.

Я сглотнула - воздуха не хватало катастрофически. Уж конечно, не захочу! Как я могу этого хотеть? Как я могу... О, боже, он наклонился ещё ниже, коснулся уха тёплыми губами, отчего шею и плечи моментально осыпало мурашками.

- Расслабься, Маша. Обещаю, я тебя никогда не обижу, - шепнул он.

Я судорожно выдохнула. Он отодвинулся и сел ровно. Ну, хоть стало свободнее дышать.

- А плохо про меня не подумаешь?

- Так тебя это беспокоит? - снова усмехнулся он, но затем добавил вполне серьёзно: - Про тебя я никогда плохо не подумаю.

В Первомайском я оказалась впервые, но особенно ничего разглядеть не успела - водитель высадил нас у самого подъезда. А панельная пятиэтажка, к которой мы подъехали, выглядела точь-в-точь как та, в которой я снимаю квартиру. Даже стены в подъезде были выкрашены в такой же голубой цвет, только тут ещё и исписаны всякой нецензурщиной.

- Это твоя квартира? - спросила я, когда мы остановились перед железной дверью на втором этаже.

- Нет, друга.

Я слегка запаниковала. Олег, заметив мою тревогу, усмехнулся.

- Не бойся, мой друг тоже плохо про тебя не подумает.

Он несколько раз жал кнопку звонка, прежде чем с той стороны двери послышались шаги, кашель, шебуршание ключа в замке.

- О! Какие люди! - воскликнул хозяин квартиры, пожимая руку Олега и хлопая его по плечу. - А я это... уже спать типа лёг.

Он и правда был в одних домашних штанах, всклокоченный и босиком, но сна при этом - ни в одном глазу. Наоборот, от него буквально исходила волнами энергия.

- Ты как здесь? Отпустили, что ли, на ночь? В пятницу?

- Вроде того. Пустишь нас на ночлег?

- Фигня - вопрос. Ты ж знаешь, мой дом - твой дом.

Он перевёл заинтересованный взгляд на меня, и Олег коротко нас представил:

- Это Маша, это Дэн... Денис.

- Оу, - зашептал ему, но я услышала, - ты же говорил, тебе бабы не нужны.

Я вспыхнула, а Олег мрачно произнёс:

- Маша не баба.

Денис тут же примиряюще улыбнулся и протянул мне ладонь, горячую и влажную. Вблизи я заметила, у него и на лице кожа лоснилась от пота, и на шее, хотя в квартире особой жары не чувствовалось. Ночи в мае ещё прохладные, а отопление уже отключили.

- Понятно, извиняюсь. Очень приятно, Маша.

Он был заметно ниже Олега и уже в кости, но выглядел не щуплым, а, скорее, жилистым.

- Только это... в той комнате ляжете, ладно? А то я не один как бы. Короче, диван сегодня занят, - он двусмысленно хохотнул.

И в подтверждение его слов в прихожую выглянула девушка, обмотанная простыней, как тогой.

- Денчик, ты скоро? - капризно протянула она, потом взглянула недовольно на нас и буркнула: - Здрасьте.

- Иди-иди, зая, я щас.

Девушка, тряхнув красновато-каштановыми прядями,

удалилась, а мы прошли в дальнюю комнату, совсем маленькую и почти пустую. Стол, стул, компьютер и надувной матрас на полу - вот и всё убранство. Даже штор на окне не было. Стены, когда-то оклеенные светлыми обоями, теперь являли собой дикую палитру граффити.

Денис оставил нас, но через минуту вернулся с бельём.

- Вот, сами постелите. Только это... угощать вас нечем. У нас вино было, но мы его уже приговорили. В холодильнике вообще голяк. Хотя нет, есть ещё ролтон, можно заварить...

- Да не суетись, - отмахнулся Олег. - Иди лучше к своей зае.

Денис подмигнул ему и скрылся.

Пока Олег стелил простыню и ловко натягивал на единственную подушку наволочку, я стояла столбом, не в силах поверить в дикость происходящего.

Как я, примерная студентка, староста и просто девушка с серьёзными взглядами на жизнь, сюда попала? В чужую квартиру у чёрта на рогах... Я ведь с незнакомыми людьми даже не разговаривала - максимум: могла ответить, как пройти или сколько времени. А тут пожалуйста - собралась заночевать. Причём матрас этот явно узкий для двоих!

Он оглянулся на меня:

- Маш, если тебе нужна ванная или туалет, то дверь слева по коридору.

Я кивнула и на ватных ногах вышла из комнаты. В ванной села на холодный бортик, перевела дух. Боже, как я бу-

ду? Как я лягу с ним вместе? Если у меня то лихорадка, то предобморок даже от невинных объятий. Это же невыносимо просто! И что делать?

Спустя несколько минут Олег тихонько постучал в дверь:

- Маша, с тобой всё нормально?

- Да, да, уже выхожу, - спохватилась я.

Как же, нормально! Да меня всю трясло, и вовсе не от холода.

Щёлкнув задвижкой, я быстро прошмыгнула мимо Олега. Из той комнаты, где уединился его друг, доносились гортанные женские вскрики, сдавленные мужские стоны, бодрый ритмичный скрип. Я зарделась ещё больше, я почти запаниковала, чувствуя спиной взгляд Олега. Поспешно заскочила в комнату, затворила за собой дверь и привалилась к ней спиной. Прислушалась. Олег, кажется, не пошёл за мной следом, остался в ванной. Во всяком случае, оттуда слышался шум воды. Но через минуту-другую он придёт и что тогда?

Он обещал, что ничего не будет, напомнила я себе, пытаюсь успокоиться. Значит, приставать не будет. А вот я веду себя очень глупо. Вот уж правда - деревня, трусиха, монашка, как меня называет Анька Иванова. А Олег... если бы уж он хотел, то сто раз бы ко мне приставать начал. А он даже не сделал ни малейшей попытки меня поцеловать там, на лестнице, хотя место было такое удобное... и темно... и вообще...

Вывод напрашивался сам: ничего такого он не хочет. Однако эта мысль неожиданно меня уязвила. Ну, не дура ли я?

Нет, всё, пора взять себя в руки, перестать метаться и истерить. Мы просто ляжем спать и уснём. Ну, узко, да. Ничего, в тесноте да не в обиде.

Вздохнув, я подошла к матрасу, аккуратно застеленному чистым бельём. И встал новый вопрос: раздеваться или лечь в платье? Раздетой будет жутко стыдно, но в верхней одежде на чистое... как-то по-свински, наверное. Да и платье изменётся, а мне ещё в нём домой возвращаться через весь город.

Поколебавшись с минуту, я опасливо посмотрела на дверь. Нет, лучше всё же снять платье.

Я подошла к выключателю, почему-то на цыпочках, погасила в комнате свет, ещё раз прислушалась - вода ещё шумела. Потом быстро, будто с кем-то наперегонки, стянула с себя платье, повесила его на спинку стула и нырнула под колючее одеяло. Отодвинулась к дальнему краю, уткнулась носом и коленками в стену и замерла, обернувшись в слух.

Вскоре я услышала шаги, потом скрип двери. Я невольно затаила дыхание. Сердце тяжело бухало у самого горла.

- Маша, - шёпотом позвал Олег. Свет включать он, слава богу, не стал. - Спишь уже?

Я не ответила, я застыла, окаменела. И почему-то боялась издать хоть звук, пошевелиться или выдохнуть слишком громко. И от этого неимоверного напряжения дурацкое сердце заколотилось в рёбра неистово и громко.

По шороху я поняла, что Олег снял с себя рубашку, потом звякнула пряжка ремня, а у меня внутри как будто натянулась до предела струна. Что вообще такое со мной? Я так не волновалась даже в наш «первый раз» с Мишей.

Чёрт, про Мишу я и думать забыла, словно он существовал в моей жизни давным-давно и очень недолго, и образ его уже успел выцвести.

Нет, ну первый свой раз я всё равно помню, хоть Миша и выцвел. Помню, что нервничала, но совсем не так. По-другому. Я боялась боли, как перед плановой операцией, боялась, что ничего не получится. А сейчас я и не боялась чего-то конкретного - Олег же сказал: ничего не будет. Просто от одной мысли, что он окажется сейчас так близко, меня кидало в жар, и дрожь становилась совершенно неуправляемой.

Олег на мгновение откинул одеяло, я внутренне съежилась, а потом лёг рядом, придвинулся вплотную, прижался грудью к моей спине. У меня тотчас выбило из лёгких воздух. Я ощущала кожей его горячее, крепкое тело, и внутри меня будто закручивалась спираль. А затем он положил руку мне на живот, вроде как просто приобнял. Мышцы живота резко сократились и напряглись, а дурацкая, невыносимая дрожь только усилилась.

- Тебе холодно? Ты вся дрожишь... - прошептал он щекотно в затылок. Но я не могла заставить себя вымолвить и слова.

Кожа тем временем стала сверхчувствительной, почти болезненной. Там, где наши тела соприкасались, она горела и нестерпимо ныла. Ладонь же его, которая так и лежала на моём животе, казалась и вовсе раскалённой. От этого жара у меня туманились мозги, всё плыло и в горле сохло.

- Тебе не плохо? - снова спросил он.

Я облизнула губы и выдохнула:

- Нет.

И тут он сдвинул ладонь чуть выше, затем, сделав небольшой круг, опустил её немного ниже, и я едва не охнула. Помедлив, он снова огладил живот, и снова. Потом рука его замерла на несколько секунд. Он словно пробовал: что можно, а что - нет. Или ждал моей реакции, а я умом понимала, что надо ему сказать: перестань. Но... я задыхалась от избытка незнакомых ощущений, я в них тонула. А ещё, как ни ужас-

но, мне это... даже не то, что нравилось, мне почему-то не хотелось, чтобы оно прекращалось. Когда рука его замирала, кожа начинала нетерпеливо зудеть, словно требуя продолжения.

- Если я тебя так напрягаю, я могу вообще не спать. Ничего страшного, посижу на кухне, - предложил Олег.

Я прошептала:

- Нет...

И он, наверное, воспринял это «нет» как дозволение. Потому что поглаживания стали смелее, откровеннее, порывистее. Рука его поднялась выше, лаская шею, плечи, ключицы, а потом коснулась груди. Сначала слегка, мимолётно, потом его пальцы стали всё глубже уходить под чашечки бюстгалтера.

«Что я творю? - прорвалась сквозь блаженный дурман отрезвляющая мысль. - Это надо немедленно прекратить!».

Я открыла было рот, но тут он легонько сжал сосок и покатал в пальцах как горошину, отчего меня будто током насквозь прострелило. И вместо нужных слов с губ сорвался стон. Устыдившись, я закусила губу, но Олег, обнаружив моё чувствительное место, продолжал эти мучительные ласки, от которых внизу живота сладко тянуло. Дыхание я уже не контролировала, и оно вырывалось с шумом, выдавая меня с головой. Но и он дышал тяжело и рвано, грудь его часто и мощно вздымалась. Я невольно выгнулась и прильнула ягодицами к его паху. Он тут же подался вперёд, прижался так тес-

но, что я ощутила, как сильно он возбуждён, какой он там твёрдый и горячий. И от этого живот моментально свело болезненно-сладостным спазмом.

Понимая, что это всё, что я тоже на грани, в шаге от неизбежного, а точнее - в крошечном шажке, после которого остановиться уже не будет сил, я попыталась отстраниться.

- Олег, не надо, пожалуйста... - дрожащим шёпотом попросила я.

Он на миг замер, потом шумно выдохнул и лёг на спину, заложив руки под голову. Но меня продолжало трясти, а внутри всё гудело, сжималось, горело. Невыносимо! Как зуд, который невозможно не почесать. Как оборванный полёт, когда ты уже взмыл в воздух и вдруг замер в невесомости. До умопомрачения хотелось тронуть себя там, чтобы унять это нестерпимое желание. Но... я повернулась на другой бок, лицом к Олегу. Глаза уже привыкли к темноте, разбавленной, к тому же, светом фонарей, льющимся из окна.

Он лежал с закрытыми глазами, не шевелился, только грудь по-прежнему тяжело вздымалась. Разгорячённое тело пьяняще пахло мужским жаром.

Я не выдержала и прикоснулась к его животу. И тотчас уловила судорожный вздох. Пресс его, и без того твёрдый, как будто окаменел. Я робко погладила бугорки мышц, выемку пупка. Олег снова порывисто выдохнул, поймал мою руку и резко отвёл вверх, опрокинув меня на спину. Тут же взял и вторую мою руку и обе словно пригвоздил, сковал у

меня над головой. Сам навис сверху, придавил своим телом, жарко впился в губы. Раздвинул коленом сведённые ноги. Но я и не противилась больше, я расплавилась под его напором, позволила ему всё, целиком сдавшись на милость победителя. И он брал меня с жадной страстью, будто в первый и в последний раз, то замедляя движения, то срываясь в бешеный ритм. Брал неумоимо, раз за разом, то выгибая меня, то переворачивая, будто жаждал испробовать всё, что можно. В его сильных руках я чувствовала себя небывало гибкой, податливой, почти гуттаперчевой. И больше не стыдилась ничего: ни самых откровенных поз, ни собственных стонов, ни судорог, когда меня, как волной, захлестывало оргазмом.

Лишь перед рассветом Олег уснул, и даже во сне крепко держал меня в кольце своих рук.

Я же и глаз не сомкнула, хоть и чувствовала себя измождённой. Но распалённое тело остывало, влажные, сбитые простыни не давали сомлеть в тепле.

Утро окрасило комнату тоскливым серым цветом и всю магию этой странной ночи свело на нет, разогнав остатки приятной истомы. А потом меня атаковали мысли, словно рой злых ос: что я наделала? Какой позор! Как я могла так низко пасть! Стонала и выгибалась тут хуже портовой девки. А ещё смела рассуждать о любви, о ценностях и морали! Смела корить Мишу, а сама-то... А Олег, что он обо мне подумает? Поманил - помчалась, приласкал - отдалась. Фу! Как же удушающе стыдно! Я же не смогу завтра в глаза ему посмотреть, скорее, умру на месте.

Я осторожно высвободилась из его объятий. Сгорая от стыда, подобрала бельё - я и не заметила, как и когда Олег сорвал его с меня. Ужас, ужас... Стараясь не шуметь, я оделась, на цыпочках, крадучись, как вор, вышла в прихожую. Из другой комнаты доносилось мерное сопение.

Осмотрев входной замок, я с облегчением поняла, что дверь можно просто захлопнуть за собой. И прекрасно - бу-

дить друга Олега, а тем более как-то объяснять своё поспешное бегство хотелось меньше всего.

Первомайский я не знала совсем, и плутала среди однотипных пятиэтажек добрых полчаса, пока наконец не выбрела к автобусной остановке. Вот только первый транспорт должен был выйти на маршрут не раньше шести утра, а мой старенький Сименс показывал 5:25. Столько ещё ждать! А я уже насквозь продрогла в тоненьком платице.

Я кружила вокруг остановки, растирала предплечья ладонями, скакала то на одной ноге, то на другой, пытаюсь согреться, но когда, наконец, появилась на горизонте первая маршрутка, у меня уже зуб на зуб не попадал.

С пересадкой к семи утра я добралась до дома. Еле достучалась до Анны Гавриловны - противная старуха никак не желала открывать дверь, а когда всё же впустила меня, прицепилась с расспросами. Я с трудом от неё отбилась, сбежав в ванную. Душ, горячий душ - вот моё спасение. Согревшись, я стала с таким остервенением тереть губкой кожу, словно пыталась смыть следы ночного падения. И всё же, глядя потом на себя в зеркало, я чувствовала себя другой, как будто эта ночь изменила меня. Точнее не ночь - Олег. Он разбудил во мне то, что таилось где-то глубоко, то, чего, я считала, во мне нет и быть не может. Обнажил самую тёмную мою сторону, показал мне, какая я есть на самом деле. Ну или какой могу быть - порочной и распутной.

Я ведь ничуть не кривила душой, когда считала, что секс

- это естественно и даже хорошо только между двумя любящими людьми, которых связывают прочные и близкие отношения. А в остальных случаях - это просто распушенность, если не сказать хуже. Вслух я никого не осуждала, конечно, но когда мои одноклассницы рассказывали про свои бурные ночные похождения то с одним, то с другим, в мыслях содрогалась и немножко брезговала. И думала при этом: вот я-то никогда и ни за что так не буду делать... А теперь все мои серьёзные и правильные убеждения просто рассыпались в прах. Какая я была наивная дуручка в розовых очках! И притом какая высокомерная. Знала бы моя бедная мамочка, чем занималась сегодня ночью её единственная дочь, её радость, её гордость. Ой, нет, пожалуйста, пусть мама никогда об этом не узнает!

И ведь что самое ужасное - это не было временным помешательством, на которое я бы с удовольствием списала, сегодняшнее ночное безумие. Нет. Потому что достаточно было всего лишь вспомнить, что со мной вытворял Олег, как низ живота тотчас сладко подводило. И мне до головокружения хотелось трогать себя и представлять, что это он...

- Машка, ты долго там торчать будешь? - затарабанила в дверь Анна Гавриловна, мигом вернув меня в чувство.

Я быстро запахнула халат и вышла из ванной.

- Значит, у подружки ночевала? - скрестив на могучей груди полные руки, спросила она.

- У подруги, - ответила я, хотя казалось, что на мне боль-

шими буквами написано, где я была и что делала.

- А что в такую рань от неё подорвалась? - не унималась Анна Гавриловна.

- Ей на работу надо было собираться, - с ходу сочинила я.
- Ясно, - хмыкнула она и, слава богу, оставила меня в покое.

Я скрылась в своей комнате, прилегла на кровать, свернувшись калачиком. Мне надо всё-всё-всё хорошенько обдумать. Но мысли стали тягучие и неповоротливые, веки отяжелели, и я незаметно провалилась в сон.

Мучилась от стыда я сильно, но не долго. Потом началась сессия, и времени для самокопания попросту не осталось. Преподы, как на подбор, попались зловердные. Только Пуртов, молодой специалист, не стал свирепствовать и поставил всем четвёрки-пятёрки автоматом, в зависимости от того, кто как посещал теорию медиа. Даже тем, кто не показался ни разу, милостиво выставил тройки. Душка.

Зато другие нас просто измочалили. Брусникина, доцент, доктор филологических наук, тянула из нас жилы по русскому, Калужная - по основам межкультурной коммуникации. Но хлеще всех оказался Торунов, историк. Он и весь семестр на семинарах продохнуть не давал, а на экзамене и вовсе разгулялся. Инквизитор как есть. Не пощадил даже Аньку Иванову, которая бесконечно жаловалась на токсикоз. Она и выглядела бледной до синевы, и в уборную бегала раз за разом.

Калужная и Брусникина, какими бы ни были противными, не стали беднягу мурыжить, а Торунов похлопал глазами за стёклами очков и спросил сухо:

- Причём тут токсикоз? Какое это имеет отношение к истории в целом и к экзамену в частности? Не можете сдавать? Идите в деканат, оформляйте академ.

Впрочем, Анька всё же сдала со скрипом историю на тро-

ечку, а некоторые и вовсе остались на осень. А на «отлично» сдали со всего курса только мы двое: я и Толик Труфанов. Толик - понятно, у него высокая цель.

Я же, терзаясь то приступами стыда, то острым желанием вновь встретиться с Олегом, наказывала себя безжалостной зубрёжкой. Так что даты всех значимых и не очень исторических событий я знала так же твёрдо, как собственный день рождения. Торунов, погоняв меня по всем эпохам и ни разу не подловив, даже сподобился на скупую похвалу.

В другой раз я бы лопнула от гордости, но сейчас меня это совершенно не порадовало. А после экзамена и вовсе я почувствовала себя опустошённой и растерянной.

Можно было вздохнуть свободно, погулять денёк с группой, а завтра уехать к маме, но мне ничего не хотелось. Меня снедали непонятная тоска и какое-то тяжёлое, неотвязное томление. Я так хотела увидеть Олега, но запрещала себе об этом думать. Хотя толку-то с того, что запрещала - оно как-то само лезло в голову и как тисками сжимало сердце. Может, не завтра, а прямо сегодня уехать к маме? А то ведь изведусь совсем...

Аньку Иванову мы со Стародубцевой застукали за остановкой - она курила.

- Так ты не беременна? - воскликнула Алёнка Стародубцева.

- Чего это? Беременна! - затянувшись, ответила Иванова.

- Ты куришь... Это же вредно!

- Ай, отстаньте. А стресс что, не вредно? Я же не смолю сутками напролёт, иногда только курю, чтобы не нервничать.

- Сейчас-то чего нервничать? Сдала же, - рассудила Алёнка.

- Да меня после этого козла Торунова до сих пор трясёт! - Иванова снова затянулась, выпустила, прищурившись, дым, потом повернулась к нам: - А сами-то как сдали?

- На четыре, - ответила Стародубцева.

- На пять, - сказала я.

Анька скривилась.

- Ну, конечно, ещё бы ты и не на пять. Тебя ж Торунов любит.

- Глупости! - возмутилась я.

- Ой, перестань, - отмахнулась Иванова. - Все видят, как он на тебя смотрит. Старый хрыч.

- Он меня гонял по всем вопросам, и я сдала, потому что готовилась, учила...

- Да плевать. Нет, ну какой козёл! - зло процедила Анька и, гримасничая, передразнила: - Какое отношение это имеет к истории... Тут и так вся на нервах. Ещё и Витьку не отпускают...

- Не отпускают? - спросили мы со Стародубцевой в унисон.

- Ну да, из-за твоего гада Миши, - Анька недобро взглянула на меня. - Не знаю, в курсе вы или нет, но его же тогда, на свадьбе, забрали менты. Какая сволочь вообще их вызва-

ла?! Ну и Миша тоже козёл, наговорил там всякого, что его, мол, бедненького, иватушники избили. Менты сообщили в ИВАТУ, само собой. Ну и как только закончились у Вити три дня увольнительных - на свадьбу отпускали, - и он вернулся в училище, так его сразу на ковёр. Короче, он и ещё один, Олег, за всех отдуваются теперь, потому что все ночевали в расположении, а они - нет.

- А это нельзя было? - вырвалось у меня. - Ну, ночевать где-то...

- Ну, Вите можно было - он писал заявление, его отпустили. А Олегу-то нет, конечно. Он должен был вернуться на ночь в казарму. Витя ещё более-менее отделался, Олег на себя взял вину. Но всё равно наказали. Не отпускают вот... А я уже измучилась вся! И всё из-за Миши твоего! - бросила Анька зло.

- И что теперь с ними будет?

- Ну что? Наряды там... Витю вот на месяц увольнительных лишили. Олега вообще сначала отчислить хотели, но он там типа один из лучших курсантов и за него впрягся... ай, не помню, подполковник какой-то, ведёт там у них что-то. Короче, оставили, но тоже торчит в нарядах и увольнительных теперь ему не видать. Слушай, Машка, а ты же с ним под конец тусовалась, нет? Ты не с ним уехала разве?

- Нет, - не моргнув глазом, соврала я.

- Ну да, - усмехнулась Иванова. - О чём это я. Поди, и Миша твой гонит, что вы трахались? Он тебя, наверное, и

голой-то не видел, а ты - его... Девочка ты наша припевочка.

Стародубцева скосила на меня глаза, а я задохнулась от смущения и негодования.

- Ты... ты совсем уже, Иванова! Думай, что говоришь! И Миша - не мой.

- Ой-ой-ой, - засмеялась Анька, - как мы разнервничались, как покраснели! Ну, точно! Нагнал Мишка. Герой, блин, любовник. Да успокойся ты. Что ты так остро всё воспринимаешь? Реально ты как из монастыря. Трахаться - это нормально, ненормально - краснеть при слове «секс» в двадцать лет. А с чего это вдруг Миша уже не твой? Разбежались? Из-за чего?

- Не твоё дело, - огрызнулась я. Тоже мне, нашлась нормальная.

А с Мишей мы и правда расстались. Не было никаких объяснений-выяснений - он просто перестал со мной здороваться. Когда встречались в универе, он делал вид, что не замечает меня, но выглядел при этом очень обиженным, а я, если честно, только вздохнула облегчённо и... тоже перестала его замечать. Но Аньку всё это вообще никак не касается.

- А, наверное, из-за этого и разбежались? - не отставала она. - Надоело ему впустую окучивать невинную овечку? Тот он, как подопьёт в общежитии, ко всем девкам подряд пристаёт. Потом просил меня, чтоб я его тебе не палила. И я ведь, как дура, его прикрывала вечно, а он такая скотина оказался. Да... Миша-то, конечно, козёл, но и ты, Машка, имей в виду,

что все такие. В смысле, не козлы, в смысле, всем мужикам надо тра...

- Вот только давай без этого, - не выдержав, я перебила её. - Уж как-нибудь обойдусь без твоих уроков житейской мудрости.

Иванова наверняка не уgomонилась бы, но тут подошёл мой троллейбус. Я демонстративно попрощалась только с Алёнкой Стародубцевой, на Иванову даже не посмотрела - выбесила она меня. Но то, что она рассказала, всколыхнуло во мне всё то, что и так ныло, свербело, не давало покоя.

Ведь из-за меня, получается, Олег ввязался в драку с Мишей, из-за меня не вернулся в казарму и теперь наказан. Если бы я не жаловалась на то, какая у меня строгая домохозяйка... если бы не говорила ему про Мишу...

Не знаю, чего я хотела, чего добивалась и вообще о чём думала, но через две остановки вышла и пересела на другой троллейбус. Доехала до ИВАТУ. Дважды прошла мимо закрытых ворот и будки КПП.

Потом рискнула, сунулась. Спросила, умирая от смущения, нельзя ли повидаться с Олегом. Дежурный, примерно того же возраста, что и Олег, разглядывал меня с нескрываемым любопытством.

- Фамилия? Курс? - спросил он наконец.

- Я... не знаю... - пролепетала я, краснея. - Я только имя знаю...

- Имя... - усмехнулся парень. - Вы, девушка, хоть пред-

ставляете, сколько здесь курсантов учиться? А вы вообще кто?

Я окончательно растерялась, пробормотала какие-то извинения и вышла. Идиотка! Почему же не спросила у Ивановой, как его фамилия? Она, конечно, забомбила бы меня потом подколками, но и пусть. Зато сейчас не выглядела бы как мокрая курица.

Набравшись решимости, всё-таки позвонила Аньке, но услышала удручающее: "абонент недоступен". Бездумно побродив по городу, поплелась на вокзал, купила плакатный билет. Не на завтра, как хотела, а на сегодня. Просто неготову было сидеть, ждать, изнывать от тоски и чувства вины. А дома же всегда хорошо.

Зря я думала, зря надеялась, что за лето всё пройдёт - вина, тоска, стыд, жаркое томление.

Я помогала маме по хозяйству, встречалась с бывшими одноклассницами, ходила на речку с соседскими девчонками и ребятами, но это спасало только днём, а ночами я опять маялась, вспоминая Олега. И с нетерпением считала дни до возвращения в город.

Решила: мне надо его увидеть, иначе же с ума сойду. Ещё хотя бы раз увидеть. И повод есть - извинюсь за то, что его наказали из-за меня.

Сто раз позвонила Ивановой, пока наконец дозвонилась. Но надежд моих она не оправдала: сказала, что фамилии его не знает.

- А твой Витя? Он ведь не может не знать. Спроси его, пожалуйста.

- Ну, спрошу, если не забуду. А тебе зачем?

- Надо.

- Ну-ну. Запала, да? - хмыкнула она. Наверняка обсмеёт потом, но мне было уже плевать, если честно.

Когда я дозвонилась до неё в следующий раз, она долго не могла понять, что от неё хочу:

- Чья фамилия? У кого спросить? У Вити? Зачем? Какой

Олег? Не знаю никакого Олега. Да не помню, что я там кому обещала. Ой, слушай, Романова, ты сейчас вообще так не вовремя! У меня поезд вечером, я и так ничего не успеваю, давай как-нибудь потом...

От досады я чуть не плакала. Но утешала себя тем, что пока я дома, мне его фамилия всё равно ничего не даст, а уж потом я с Аньки ни за что не слезу.

Но в сентябре Иванова в универе не появилась. На правах старосты я спросила у Инки, её подруги, почему Аньки нет.

- Так она сейчас в какой-то глуши под Красноярском. У тётки своей в деревне.

- Зачем? Учёба же...

- Да там где-то поблизости у её Вити военные сборы. Вот она и увязалась следом.

- Сборы? - пролепетала я.

- Ну да, - равнодушно ответила Инка.

- А это надолго?

- Откуда ж я знаю? Может, месяц, может, два.

Анька не появилась ни в октябре, ни в ноябре. Увидели мы её только в середине декабря перед самой сессией. Залетела к нам в аудиторию минут за пять до начала пары. Румяная, довольная, с огромным животом.

- Девчонки, я ж попрощаться пришла, - сообщила с порога.

- Ой! Анька! Как? А ты куда? А универ? - загалдели все

наши хором.

- Я взяла академ, и вообще я перевожусь в Воронеж.

- Почему? Зачем?

- Ну, с Витей поеду, - улыбнулась она. - ИВАТУ же закрывают, да, ещё осенью приказ был. Ну и всех в Воронеж переводят...

Такой гвалт поднялся. Наши спрашивали, как жизнь её замужняя, скоро ли рожать, кого ждут - мальчика, девочку...

И только меня волновало совсем другое: как закрывают? Как переводят? ИВАТУ не могут закрыть! Его же ещё царь основал, Александр II! Там такой комплекс! Огромный, красивый, целый город в городе! Там столько офицеров-героев выпустили! (Это я уже погуглила).

Но главное - как же Олег? Как мне теперь его увидеть? Зачем я, дура, столько ждала? Мне хотелось крикнуть своим одногруппницам, чтобы замолкли все немедленно, чтобы прекратили тарыхтеть про всякие глупости, но сама лишь столбом стояла у окна, ошарашенная, и ни слова не могла вымолвить.

Потом, когда она уже расцеловалась со всеми и выскочила из аудитории, я припустила следом. Нагнала её в коридоре:

- Аня, подожди! Ты обещала узнать у Вити номер Олега...

Она остановилась, посмотрела на меня с раздражением. И я почувствовала себя такой жалкой...

- О-о, - простонала она. - Мне как-то не до того было. И сейчас Витке не позвонить... Ладно. Давай лучше сделаем

так: у меня твой номер есть, я Витю попрошу - он Олегу передаст и скажет, чтоб связался с тобой, как будет возможность. Хорошо?

- Да, спасибо большое...

Я не знаю, передала ли Иванова мой номер или нет, как обещала, но от Олега не было ни звонков, ни сообщений. А я ждала, каждый день ждала. Иногда сама звонила Аньке, но теперь абонент всякий раз был неизменно недоступен.

Значит, не судьба, значит, надо забыть, просто забыть, как будто ничего не было, и жить дальше, утешала я себя, рыдая в подушку.

А в первых числах января новость о закрытии авиационного училища уже перестала быть новостью. Военный городок опустел...

*Часть 2.**Август, 2015 год*

Когда я начала слепнуть? Наверное, года два назад. Когда защищала кандидатскую. Ночами сидела, корпела - вот и результат. Да и до сих пор плотно работаю за компьютером - а что делать? Теперь один глаз видит так, будто я под водой. Левый. С правым положение лучше, но тоже не фонтан. На таблице Сивцева отчётливо вижу только три верхних строки, дальше уже всё плывёт и двоится. И очки никакие не подходят - смешанный астигматизм. Кератоконус*. Четвёртая стадия.

К офтальмологу я очень долго не могла прийти - всё никак не получалось выкроить время.

На работе буквально пропадала: защита, лекции, семинары, факультативы, спецкурс. И, конечно, старалась давать материал так, чтобы моим студентам было интересно, чтобы увлеклись, загорелись так же, как я когда-то. И удалось. Пусть не со всеми, но «группу своих адептов», как их называл Стасик, мой муж, точнее, уже бывший муж, сколотить удалось.

Всё началось с обычного факультатива по этике и стандартам журналистики. Помимо теоретических заданий мы вели проекты, искали злободневный материал, публиковались в разных изданиях, крупных и не очень. Случалось, что наши статьи вызывали общественный резонанс. Случалось, что мы даже меняли чьи-то судьбы. Так, например, одна моя студентка Лариса Рогова обратила внимание на мальчонку в подземном переходе. Ребёнок лет пяти, грязный, неухоженный, истощённый, просил милостыню.

Мы всей нашей дружной командой с азартом занялись этим делом: выясняли, откуда малыш, кто его родители, в каких условиях живёт и почему вообще сидит в стылом переходе. Нас оттуда гнали, никто из соседей по паперти не хотел ничего говорить, в полиции и органах соцзащиты от нас отмахивались. Однако когда вышла статья о маленьком Никите, которого родной отец, безработный алкоголик, избивал и заставлял просить милостыню, чтобы было на что пить, сразу все всколыхнулись: и администрация города, и опека, и просто неравнодушные люди. Ребёнка забрали от горе-отца, вылечили, вывели, взяли в приёмную семью. Это была наша первая значимая победа. А как воодушевились мои ребята! Но главное, я видела, что для них принципы профессиональной этики, особенно такие, как долг и честность журналиста, перестали быть какими-то отвлечёнными понятиями.

Вот только Стасик стал раздражаться. Нет, поначалу он относился снисходительно, посмеивался даже. Потом пошли

обиды. Сперва - молчаливые упрёки, показная холодность, взгляды, тон. Потом начались скандалы. Стоило мне только заикнуться, что мы с ребятами собираемся..., Стасик тотчас вскипал:

- Ты своим студентам времени уделяешь больше, чем мне!
- орал обиженно. - Только и слышу: ребята то, ребята сё! Нет, Маша, ты скажи: что ты с ними носишься? Что за детский сад? Есть утверждённая программа, по ней их и учи. Я же со своими студентами не ношусь как дурак с писаной торбой. Я их учу тому, чему должен. А то, чем вы занимаетесь, это инфантилизм чистой воды. Ладно бы твои забавы ничему не мешали, но они разрушают наш брак. Ты разве не видишь? Наши отношения трещат по швам. Ты не понимаешь?

Я не понимала.

- Она не понимает! - театрально всплёскивал он руками, как будто обращался к кому-то ещё. - У всех жёны как жёны, а у меня... не пойми что. Ты мне просто как... как соседка. Пришла-ушла. А где горячий ужин по вечерам? Где отглаженные рубашки? Где забота о муже? Где, секс, наконец?! У тебя же вечно то голова болит, то устала, то критические дни, то рано вставать. Я уже не помню, когда мы в последний раз занимались сексом!

- Восьмого марта точно было...

- Ты издеваешься? Нет, ты скажи, я что, многого прошу? Я долго терпел. Думал, ну, захотелось ей поиграть, пусть поиграет. Но это уже переходит все границы разумного!

В конце концов, Стасик выставил мне ультиматум: или он, или «вот эта вся ерунда».

Но развелись мы по другой причине. В мае мне пришло приглашение из Гамбургского университета. А Стасику - нет. Это был удар для него. Ведь у него серьёзные лингвистические исследования, множество публикаций в уважаемых изданиях, монографии, связи, наконец. А я - что я? Ношусь по городу, как он говорит, со своей сворой, высунув язык, в поисках жареного материала.

По-человечески мне было его жалко, даже в тот момент, когда он, багровый от избытка эмоций, в сердцах кричал:

- Ты мне всю жизнь испортила! - Стасик хватался за голову и ходил кругами по гостиной. На меня даже не глядел. - Нет, ну какая ж ты неблагодарная тварь! Я ж всё для тебя делал, всё. Шмотки, цацки, курорты, протекция... Да кем ты была до меня? Никем! Голодранка без роду, без племени. Нищая аспиранточка в драном пальто. О да, зато с красным дипломом. Только кому нужен твой диплом? Думаешь, ты так легко кандидатскую защитила, потому что такая умная? Ха-ха три раза! Думаешь, тебе хорошую нагрузку дают, потому что ты такой замечательный преподаватель? Ага, конечно! Без меня ты бы и на полставки часов не наскребла. Я за тебя просил и отца, и других. Я! Я тебя продвигал, я устраивал твою карьеру, а ты... змея ты неблагодарная.

У Стасика от напряжения вздулась на лбу вена, а в уголках рта скопилась слюна. Я сидела на диване, молча наблюдая за

его метаниями. Если вначале я намеревалась сообщить Стасику, что откажусь от Гамбурга, то теперь просто ждала, когда истерика закончится. И понимала: это конец. Развод и девичья фамилия. Его оскорбления меня не ранили, просто я вдруг с холодной ясностью осознала, насколько мы разные, бесконечно, несовместимо разные. И три года назад я совершила глупейшую ошибку, выскочив за него замуж.

- Посмотрим, кем ты без меня будешь, - бросил Стасик напоследок. - И не рассчитывай, что тебе после развода что-то отломится.

Я и не рассчитывала.

* Кератоконус - невоспалительное заболевание глаз, когда роговица выпячивается вперед, истончается и принимает форму конуса. На 1 и 2 стадии носят особые линзы. На 3 и 4 нужны операции, разные, в зависимости от толщины роговицы.

В июле мы со Стасом развелись, быстро, без лишнего шума. Ещё накануне я собрала свои вещички и съехала в съёмную однушку. Не удержалась, конечно, от пафосного жеста: вернула ему все украшения, что он дарил. Шубу норковую тоже вернула, всё равно она мне не очень нравилась - бегать в ней по городу в поисках жареных новостей не слишком удобно.

Он принял, хотя и скривился:

- Можешь себе оставить. На чёрный день.

В итоге, после трёх лет брака от мужа у меня осталась только фамилия - Чернецкая. Но и это временно. Просто со дня на день я ждала вызова из Гамбурга, и загранпаспорт, боялась, поменять не успею.

Только вот Гамбург всё откладывался и переносился. Постоянно возникали какие-то мелкие проволочки, так мне говорили.

Позже Шурочка, ассистент ректора, по секрету поведала мне, что можно не ждать, никакой поездки не будет. Руководство университета сильно против моей кандидатуры и уже направило отказ.

Начался учебный год, и... я поняла, насколько прав был Стасик.

Во всяком случае, в том, что касается нагрузки. Мои дисциплины отдали другим преподавателям, мне же навязали совершенно новые, и часов выделили - кот наплакал. Проректор, мой бывший свёкор, который раньше при встрече непременно останавливался и ласково спрашивал: «Как дела, Машенька?», теперь здоровался сухо и то, если столкнёмся нос к носу, а так - предпочитал вообще не замечать. Про зарплату и вовсе молчу. Этих крох едва хватало на оплату квартиры.

Но тут я всё же выкрутилась: нашла подработку в интернете. Стала писать статьи на заказ - от рекламных текстов до аналитических обзоров на серьёзные темы. Последнее, правда, попадалось редко.

Ну а для души мы с ребятами завели свой канал и вообще стали очень активно завоёвывать сетевое пространство. И пространство ответило нам взаимностью. Подписчики росли в геометрической прогрессии, под каждым роликом разворачивалась целая дискуссия, а порой закипали такие ожесточённые баталии, что приходилось вмешиваться, призывать публику к миру и взаимопониманию, чистить ветки комментариев. То, что мы прежде обсуждали лишь узким кругом с моими студентами, теперь стали выкладывать на суд общественности - наши идеи, наши взгляды, наши планы.

И эта жизнь захватила меня с головой, пока... пока не проснулась утром от боли в левом глазу, настолько сильной и острой, что, казалось, туда вонзили нож. Но по-настоящему-

му я испугалась, когда попробовала разлепить веко и поняла, что глаз не видит. Ни контуров, ни цветных пятен, как раньше, он не различал. Сплошная пелена.

В глазной клинике, куда меня отвезли на скорой, сняли боль, но сказали сразу: отёк роговицы пройдёт, разрыв зарубцуется, но зрение не вернётся, потому что нужна операция, сложная и срочная, такую делают разве только в микрохирургии, а это очередь, длиною в несколько месяцев, и, конечно, деньги.

Совсем впасть в уныние мне не дали мои ребята. Навещали каждый день, веселили, заряжали энергией. При них мне даже как-то стыдно было ныть и жаловаться.

- Видать, ты хороший преподаватель, - заметила как-то соседка по палате, пожилая бурятка из Забайкалья, Наталья Борисовна. - Вон тебя как студенты любят. Когда я училась в меде, мы тоже так любили одну...

Наталья Борисовна страшно любила поговорить. И на третий день больничного существования я уже оказалась настолько посвящена в подробности её жизни, что знала, отчего скончалась бабушка её мужа и где служит племянник медсестры, которая сидела с ней на приёме в детской поликлинике, когда та ещё работала педиатром.

В общем-то, её бесконечные разговоры меня не раздражали, потому что она не требовала ни отклика, ни вовлечения, ни реакции. Просто говорила и говорила, тихо, монотонно, как сказочница, и под её речь я преспокойно могла думать о

своём. Или вообще уснуть.

Потому, когда она вдруг непривычно громко воскликнула, а затем разразилась яростными проклятиями, я испуганно вздрогнула. Круглое, обычно добродушное и безмятежное лицо, исказилось лютой злобой, даже жутковато стало. При этом она пристально смотрела в телевизор. Портативный, черно-белый, с крохотным экраном и двумя усиками антенны, как у радиоприёмника, он умещался на ее тумбочке. Наталья Борисовна привезла его с собой, чтобы не пропускать свой сериал.

- Что случилось, Наталья Борисовна? - забеспокоилась я.

Она продолжала с шипением выплёвывать ругательства. Я прислушалась - по телевизору показывали вечерний выпуск местных новостей. Говорили о строительстве какого-то завода, который даст сотни рабочих мест и принесёт сотни миллионов бюджету области. Потом перешли на незаконную вырубку леса, но лесорубы Наталью Борисовну так не возмущали.

- Ты извини, Маш, что я так... - успокоившись, сказала она. - Просто слов нет, какие же они гады.

- Кто? - не поняла я.

- Ну как кто? Шубин этот проклятый. Слышала, поди, о таком? Он же строит у нас завод на месте бывшей птицефермы.

- Слышала, конечно. Крупный бизнесмен, меценат... А что с заводом не так?

- Ну, милая моя! Это ж сурьмяный завод! Сурьма сама по себе страшно ядовита, а её соединения - ещё в разы токсичнее. Я уж молчу про экологию. Ты сама должна знать, что все эти переработки тяжёлых металлов убивают и почву, и водоёмы, и всё вокруг. Но сурьма ещё и очень опасна для человека. Её пары попросту разрушают лёгкие, сосуды, сердце, вызывают всякие кожные болезни. Ещё при Союзе работала я в Якутии, в одном посёлке. Отправили меня туда сразу после института по распределению. Так вот, там тоже завод работал сурьмяный. Так там экзема и пневмокониоз были через одного... Это у жителей посёлка, а у рабочих того завода - так вообще поголовно.

- А что такое пневмо...?

- Пневмокониоз? Это, моя милая, необратимое и неизлечимое заболевание лёгких. Это когда человек постоянно дышит парами и пылью той же сурьмы у него развивается вот такая гадость. И уже не вылечить никак.

- Но сейчас, может, как-то по-другому строятся такие заводы? Может, будут применять какие-нибудь новые технологии очистки?

Наталья Борисовна поджала губы и, глядя на меня как на дурочку, покачала головой.

- Какие технологии очистки, бог с тобой? Да вокруг таких заводов ни травинки не растёт, даже насекомых и то нет. Мыши, крысы убегают. А люди будут жить, дышать этим, куда им податься? Но ни властям, ни вашему меценату Шу-

бину дела нет никакого ни до природы, ни до людей. Подумаешь, какое-то богом забытое село в несколько сотен человек, когда там у них такие деньги крутятся. Они ж, сволочи, только о наживе своей думают. А то, что землю губят, людей обрекают - да плевать они хотели. Первый раз, что ли? Ты же журналистка, должна знать.

- Но можно ведь как-то бороться. Поднять общественность, митинги устроить, петицию создать...

- А то мы не боролись! Ещё когда этот Шубин только купил бывшую птицеферму, мы сразу стали писать во все инстанции. И мэру, и губернатору, и в Минприроды, и в газету, да куда только не писали! Ни ответа, ни привета. - Она раздосадовано махнула рукой. - Строят. Почти построили. Совсем скоро уже, говорят, производство запустят. Этот меценат ваш, Шубин, знаешь, как с нашими мужиками потолковал, когда они попытались помешать строительству?

- Как?

- А вот так: приехали на больших чёрных джипах, ну вот прям как бандиты из фильмов, такие, знаешь, здоровые, бритоголовые. Целая толпа их нагрянула. Избили наших так, что... мы их по одежде узнавали только. - Она отвернулась, всхлипнула, прижала к лицу ладонь. - Зятя моего Костю... и других, всех, кто им попался... почки отбили, руки-ноги переломали. Костя наш потом два месяца лежал в травматологии в райцентре, поломанный весь. Он и сейчас ещё на костылях ходит. Да не он один пострадал. Пал Палыч, учитель

у нас в школе... голову пробили. Слава богу, жив остался.

- Послушайте, но это какой-то беспредел! - возмутилась я. - Надо было в полицию... в областную прокуратуру...

Наталья Борисовна горько усмехнулась.

- В полицию... Да они все заодно! Писали мы, обращались, и где наши заявления? У Шубина ведь всё везде схвачено, всё куплено. Знаешь же, как у них - рука руку моет. А после нашего заявления, на следующий же день, сгорел один из домов. Повезло ещё, что огонь на соседние дома не перекинулся. Официальная версия - что-то там с проводкой, хотя ежу ясно - поджог. Это они нас так предупредили. Ой, да нам прямым текстом сказали, мол, дома у вас старые, проводка плохая, глядишь вот так, и всё село выгорит дотла, если не образумимся.

- Это ужас какой-то!

- Да. Все всё знают, все всё понимают, но делают вид, будто так и надо. Сами молчат и нам рты затыкают. Видишь, даже в местных новостях про Шубина как говорят - места рабочим даст, молодец какой, бюджет области пополнит...

- Нет, нет, это так оставлять нельзя! Есть инстанции и выше. Есть, в конце концов, общественность.

До середины ночи Наталья Борисовна рассказывала мне о бесчинствах Шубина. И её отчаяние заразило меня, я потом уснуть не могла.

Не то чтобы я поверила каждому её слову, наверняка ведь она сгустила краски, но если даже там отчасти правда, то с

этим никак нельзя мириться.

Ребятам своим, когда навестили меня на следующий день, рассказала об этом в двух словах и попросила собрать для начала о Шубине всю информацию, что есть в сети.

- Только будьте осторожны, - просила я. - Никакой инициативы, никуда не влезайте. Пока просто собираем открытые сведения. И, пожалуйста, без лишних разговоров, всё только между нами. Дело, возможно, серьёзное.

- Можно подумать, этот Шубин какой-то дон Корлеоне, - фыркнул Паша Грачёв, мой самый бойкий и настырный студент. Неугомонный энтузиаст. Иногда он слегка зарывается и начинает со мной чуть ли не флиртовать, но это несерьёзно. Главное, на него всегда можно положиться.

- Кто знает, - пожала я плечами. - Мало ли. Так что ваше участие светить не будем.

- То есть вы, Мария Алексеевна, в случае чего, хотите принять весь огонь на себя? Вы хрупкая, одноглазая женщина, собираетесь рвануть на баррикады против этого Корлеоне, а нам, здоровым и сильным, предлагаете отсидеться в окопе?

- Паша, - я рассмеялась, - вы ещё дети. А я преподаватель и не имею права вами рисковать.

- Какие мы дети? - выступила Лариса Рогова. - Двадцать лет!

- А мне так вообще двадцать один, - добавил Паша, - я даже по меркам Ботсваны уже взрослый дядя. И разница в возрасте у нас с вами всего шесть лет. Так себе разница.

Они шутили наперебой, строили планы, фонтанировали идеями и так разошлись, что медсестра отчитала их и меня вместе с ними:

- Это больница, а не вокзал! Что вы тут за базар устроили? Здесь людям необходим покой. Расходитесь давайте живо, а вы, Чернецкая, возвращайтесь в палату. Иначе завтра всё лечащему врачу расскажу.

Паша Грачёв вздумал огрызаться, но я его перебила:

- Павлик, ты же взрослый дядя, должен понимать - везде свои порядки. Не создавай мне лишних проблем.

- Умолкаю, умолкаю, умолкаю, - Паша выставил ладони в примирительном жесте.

Когда они ушли, я ещё несколько минут сидела в коридоре на клеенчатом диванчике. Не хотелось отпускать лёгкое, приятное ощущение, оставшееся после их ухода. Знала, что как только вернусь в палату, снова навалятся смутные переживания, тягостное предчувствие, беспорядочные мысли о том, о сём. И бесконечные невесёлые рассказы Натальи Борисовны ещё больше будут нагнетать хандру. Я ей искренне сочувствую, но иногда просто устаёшь от негатива.

Однако на неё этим вечером неожиданно снизошло романтическое настроение. С мечтательным видом она рассказывала про свою первую любовь.

- Анатолий его звали. Весёлый такой, разбитной парень, а я наоборот скромницей была. Но хорошенькая, жаль фотографий с собой нет, я бы тебе показала. Между нами так ничего и не случилось. Только на танцы ходили несколько раз, он меня потом до дому провожал, смотрел так... Однажды поцеловать хотел, а я оттолкнула его и сбежала, дурочка пугливая. А теперь вот жалею. Он потом на другой женился. Ребята говорили, уже после всего, что Толик меня любил, а закрутил с другой мне назло. А оно вон как вышло - другая забеременела, жениться ему пришлось. Ох, помню я рыдала! Год целый убивалась. Только успокоилась немного - как он однажды пришёл. Пьяный. На колени падал, прощения просил, говорил, мол, жену оставит ради меня. Но мы же тогда знаешь какие были - принципиальные. Гордые и правильные. Я его прогнала, а потом ревела белугой всю ночь. А через несколько месяцев мужа своего встретила. С ним как-то спокойно всё было, без страстей, но, видишь, живём до сих пор и счастливы. Но Толика своего я время от времени вспоминаю. Всё думаю, а как бы оно получилось, если бы мы сошлись тогда... Ничего, наверное, не получилось бы. Такая сильная страсть она же как болезнь. Как горячка... А у тебя-то, Маша, кроме студентов твоих есть кто? А то, гляжу, только они тебя навещают...

На самом деле, меня навещали не только они, но ещё и Шурочка, с работы, мы с ней, можно сказать, подруги. Но я поняла, что Наталья Борисовна имела в виду совсем не то.

- Я этим летом развелась.

Она поохала, посокрушалась, потом, видимо, любопытство взяло верх.

- А что так?

- Не сошлись характерами, - пожала я плечами, выдав дежурную формулировку, которая, впрочем, вполне подходила под наш случай.

- Ну ничего, ты молодая, найдёшь ещё своё счастье. А это, может, у вас и не любовь была, а вот такая же страсть. Перегорело и всё.

Я задумалась, а испытывала ли к Стасику хоть что-то, похожее на любовь. Нет, он мне нравился, он так красиво ухаживал, красиво говорил и подкупал своими серьёзными намерениями. И мама, тогда ещё живая, донимала обычными родительскими переживаниями: когда замуж? когда внуки?

Наверное, я и правда испортила Стасику жизнь. Плохая из меня жена получилась, на двойку с минусом. А как любовница - так вообще ноль. Он ведь вовсе не придирался, когда упрекал меня в том, что я избегала с ним спать. Так оно и было. Избегала. Не всегда, конечно, но хваталась за каждый удобный повод. Ну, вот такая я, просто у меня другие интересы, цели, увлечения. Мне этого просто не надо.

И тут же, словно в ответ на мои мысли, вспыхнули воспоминания... студенческая свадьба, чужая квартира, Олег, его сильные руки, горячее тело... И тут же кровь жарко прихлынула к щекам.

Нет-нет, устыдилась я, это был единичный случай, временное помутнение рассудка. Это было так давно... Я просто сама что-то придумала, нафантазировала. И тут же, противореча себе, мечтательно улыбнулась. Да, помнится, я тогда полгода убивалась. Или дольше? Теперь уже неважно. Он тогда так и не объявился, не дал о себе знать.

А то, что случилось между нами ночью... ну это психология, чистой воды. Я просто была тогда романтической дурочкой, наивной и неискущённой, и тут он - brutalный донельзя, сильный, смелый, суровый. Просто мечта для таких глупеньких девочек.

Выписали меня с напутствием постараться всё же изыскать возможность прооперировать глаз, а лучше оба.

После выписки я ещё некоторое время ходила с повязкой. Точнее, сидела дома. Законный больничный позволял тунелю существовать ещё целый месяц точно.

По работе я, конечно, ужасно скучала, хотя ребята навещали ко мне чуть не через день. По двое, по трое, а иногда и всей группой. Девочки сами хозяйничали у меня на кухне, потом все вместе пили чай.

- Мы тут вот что нарыли, - сообщил Павлик Грачёв. - Шубин реально тот ещё упырь. Щас покажу его табло.

Павлик выудил из рюкзака планшет, поводил пальцем по экрану, повернул ко мне, предлагая полюбоваться широким мясистым лицом немолодого, лысеющего мужчины. Полные губы, второй подбородок, брыли, глаза-буравчики.

- Мда, не слишком симпатичный тип, - признала я.

- Мягко сказано! - скривился Павлик. - Этот несимпатичный тип ещё в девяностых зажигал. В смысле, орудовал. С мелочёвки дань собирал, бизнес покрупнее - отжимал. Ну сами знаете, какими методами это делалось. Я вот с одним человеком пообщался...

- Паша, ну я же просила об этом не распространяться. С

левыми людьми...

- Так какой же он левый? - выкатил круглые глаза Павлик. - Он, короче, дядька жены моего кореша. Бывший опер. Он вот и рассказал, как Шубин раскрутился. И тачки жёг, и людей калечил. Сейчас он типа остепенился и стал легальным бизнесменом. Там у него и рестораны, и гостиницы, и какие-то предприятия по области. И акции какого-то банка. И весь такой, якобы, благодетель, то выставку организует, то детдому подкинет китайское тряпье или ящики с тушёнкой-сгущёнкой. И конечно, везде во все трубы об этом гудят.

- Да, - кивнула я, - тоже слышана... Я вообще о нём раньше только хорошее слышала.

- Так все слышаны! Но есть то, что широкой публике неизвестно.

- Как он в девяностые беспределил? - хмыкнул Руслан Алишеров. - Кому это сейчас интересно? И вообще, может, чел исправился. Покуролесил в молодости, а теперь грехи искупает тушёнкой и выставками.

- Не-е, - Пашка, довольный, мотнул головой. - Грехи далёкого прошлого оставим пока в прошлом. Недавно тоже было кое-что. Ну вот, например, три года назад он купил лесок, не просто лесок, а заповедник. Там тоже активисты возмущались, но быстренько заглохли. Да так, что их неслышно и невидно, а на месте леса коттеджный посёлок для буржуев. Потом... может, помните, в прошлом году пьяная девка сбила на пешеходном переходе женщину? Так вот эту девку не

посадили, да. И вообще всё это дело спустили на тормозах. А девка эта, думаете, кто у нас?

- Родственница Шубина какая-нибудь? - предположила Лариса Рогова.

- Эм-м, нет. Родственницей стать она не успела. Любовница его. Ну, на тот момент была.

- Фу! - сморщилась Лариса. - Как можно... с таким бором...? И я не только о внешности.

- Лорик, деньги, а к тому же большие, очень красят человека и помогают примириться с его недостатками, - усмехнулся Паша и тут же, подняв указательный палец вверх, добавил: - Так думают многие, но не я!

Девушки ещё немного побурлили на тему любовниц Шубина, но затем Паша продолжил:

- Ну и про завод тоже всё правда. То есть про побои местного населения я не знаю ничего, но это сурьмяное производство - жёсть просто. Ваша бабка из больницы, Мария Алексеевна, не соврала. Там реально труба. Максимум десять лет - и там будет мёртвая зона. Но Шубин умудрился получить все разрешения, и весной уже завод должен начать работать.

- Может, на него Зелёных наслать? - предложила Лариса.

- Насылали. Ему их митинги как слону дробина. Очень ловко он умеет всем неугодным рты затыкать. Не сам, конечно. Люди его. Ему-то надо образ беречь. Дядька тот, ну, что опером был, говорит, у Шубина разруливает всё некий

Миллер. То ли он его правая рука, то ли начальник службы безопасности, то ли всё вместе. Но, короче, все проблемы устраняет он. Причём быстро и эффективно. Пару раз у Шубина возникали какие-то тёрки среди себе подобных, таких же акул. Ну и те слились в итоге. А ведь очень серьезные люди были.

- Что ещё за Миллер?

- Вот про него ничего найти не удалось, - вздохнул Павлик. - Он себя никак не афиширует. Такой, в общем, серый кардинал.

- Но хоть что-то про него известно? Ладно, фоток нет, но кто он, откуда? Молодой, старый? Миллер - это кличка или фамилия?

- Да ничего про него неизвестно. Дядька единственное сказал, что не судим, не привлекался, нигде не фигурировал. Но те, кто с ним сталкивался, предпочитают об этом забыть навсегда.

- Бандюган, наверное, - изрекла Лариса. - Какой-нибудь рецидивист.

- Господи, час от часу нелегче, - озадачилась я.

Одно дело приструнить заворовавшегося предпринимателя и совсем другое - ввязываться в войну с криминалом, пусть даже информационную войну. Но как теперь отступить?

- Не кажется вам, что зря мы это затеяли? - осторожно спросила я.

- Нет! Не кажется! - хором возмутились ребята. - Да вы что?!

- Но если всё так, как Паша говорит, то это попросту опасно. Понимаете?

- Мария Алексеевна, вы же говорили, что худший враг, с которым сталкивается журналист, - это интеллектуальная трусость.

- Не я, а Оруэлл, - вяло поправила я.

Мы препирались до хрипоты, но ребята мои доводы попросту не слышали. Максималисты-нонконформисты, чтоб их... Но какая ж я дура была, что так опрометчиво вовлекла их в эту историю!

- Если вы боитесь, Мария Алексеевна, то можете не участвовать. Мы сами! - холодно изрёк Алишеров.

- Что - сами? - не удержалась я от снисходительного тона и тут же пожалела. И правда, зачем я так? Сама их завела, растравила, а теперь на попятную.

- Всё сами. Кое-какой опыт имеется, - Алишеров взирал на меня, как на предательницу. - Петицию на имя губернатора, главного эколога и президента создадим. Статьи во все интернет издания направим. Ролики смонтируем и по всем пабликам разошлём, по всем соцсетям волну поднимем... Ну, не мне вам рассказывать про вирусный маркетинг.

Вот ещё не хватало их самодеятельности!

- Я не за себя боюсь, за вас. И отвечаю за вас.

- Мы тут все совершеннолетние и сами за себя отвечаем,

- запальчиво ответили они.

- Хорошо, но никаких «сами», - твёрдо сказала я. - Ваши имена и лица нигде не должны фигурировать.

- Я лично не привык прятаться за спины женщин, - гордо заявил Алишеров.

- Молодец, похвально. Вот закончишь универ и можешь хоть кидаться на амбразуру. Но пока я - ваш преподаватель, я за вас отвечаю. В конце концов, я руководитель кружка, и вы обязаны меня слушать. Если нет, то, к моему сожалению, кружок наш прекращает своё существование.

Ребята ещё немного побурчали, повозмущались, но уступили. Обещали слушаться и не лезть на рожон. Они ушли, а у меня на душе осело тягостное предчувствие...

Октябрь уходил, унося с собой багрец, золото и последние тёплые дни. В воздухе уже стоял запах скорой зимы. И точно - первого ноября, как по расписанию, выпал снег.

А в сети потихоньку набирало обороты наше воззвание против сурьмяного завода. За неделю петицию подписало несколько сотен тысяч человек, а ролики получили ещё больший отклик. Это нас, конечно, здорово вдохновляло на новые тактические шаги. Меня пока ещё мариновали на больничном, так что свободного времени хватало на всё. И дурное предчувствие отпустило. Ведь нас уже не тринадцать, нас уже сотни тысяч, равнодушных и активных...

Борьбу с Шубиным, правда, то и дело приходилось совмещать с делами менее высокими - написанием рекламных статей. С единственным зрячим глазом это выходило медленно и неудобно. Но что поделать? Даже если строго экономить, список самого необходимого всё равно немаленький: квартплата, лекарства, еда, телефон-интернет и всякое по мелочи.

Закончив очередной пиар-заказ, я прошлёпала на кухню. Нестерпимо хотелось кофе. Но в моих закромах не оказалось даже быстрорастворимого. Когда выпила? Даже не заметила. Пришлось выползать из зоны комфорта и тащиться в ближайший супермаркет.

А ближайший супермаркет, к счастью, находился в пяти минутах. Особенно это радует в такую собачью погоду, когда холодно, ветер за шиворот и снег в лицо. Набрав помимо кофе разных продуктов с запасом на два-три дня, я волоча пакеты поплелась домой.

Озябшими пальцами вставила ключ в замок, но... он не повернулся. Я вынула и вновь вставила - тот же результат. Подёргала, пошевелила туда-сюда, и тут до меня дошло, что дверь попросту не замкнута. Просто плотно затворена и всё. Но как такое возможно? Каждый свой шаг я, конечно, не помнила, такие вещи обычно делаются на автомате. Но удивляло одно - неужели я настолько рассеянная и безалаберная, чтобы уйти из дома, оставив дверь открытой? За мной ничего подобного раньше не водилось...

Я даже расстроилась. Ну а вдруг это ранние звоночки какого-нибудь Альтигеймера?

Я вошла в тесную, полутёмную прихожую, включила свет, разулась, разделась, сумки уволокла на кухню, думая по пути, что это ещё хорошо - отлучилась ненадолго, а то бы вот так вернулась, а дом вычистили. Потом направилась в ванную и, проходя мимо единственной комнаты, вдруг осознала - там что-то не то. Я вернулась и глухо вскрикнула от неожиданности и... от страха, который моментально сковал льдом все внутренности.

В комнате были люди.

Двое мужчин, точнее, парней, сидели один - в кресле, вто-

рой - на диване. Сидели тихо и неподвижно, поэтому я сразу их и не заметила.

Теперь же я окаменела на пороге. Хотелось кричать, звать на помощь, но язык одеревенел от ужаса.

Они поднялись, медленно подошли ко мне. Встали напротив, скрестив руки на груди. Оба крупные, высокие, в чёрной одежде - какой именно я не разглядывала, единственное, что бросилось в глаза - это голубые бахилы у них на ногах, такие, какие надевают в больнице. Оба коротко стриженные, почти под ноль, и с одинаковым выражением на лицах. Буль-дожым таким. Словно они присматриваются, куда бы лучше впиться клыками, если будет команда «фас».

И тут меня осенило: они ведь даже не прячут своих лиц. Не беспокоятся, что я их запомню и опознаю. Это значит... они меня убить пришли? Кровь в жилах моментально застыла, и сердце, кажется, остановилось.

Господи, не знаю, как я выстояла, каким чудом не бухнулась сразу в обморок. Один из них процедил:

- Кое-кому твоя возня стала надоедать, догадываешься?

Конечно, я догадалась! Но, не знаю, почему, молча замотала головой.

- Какие недогадливые нынче пошли преподаватели. Чему они только студентов учат? - криво усмехнулся он.

Я сглотнула, не в силах отвести от них взгляд.

- Давай, напрягись, преподавательница, и подумай, зачем ты честно и порядочно человека оклеветала? Тебя ведь

попросили его очернить, так? Денег заплатили, вот ты и...

- Нет, нет, - я замотала головой ещё отчаяннее.

- А я говорю, что да, - повысил голос парень. - Заплатили. Все вы, журналюги, продажные твари. Что вам закажут, то и пишете.

Возражать ему дальше я не смела - все слова встали комом в горле.

- Только на этот раз не на того ты, сука, наехала.

- Вы - Миллер? - шепотом спросила я.

Парень вскинул белёсые брови, переглянулся с приятелем, но затем, нахмурившись, подозрительно на меня уставился.

- Твоё счастье, что нет.

И я ему поверила. И даже стало чуть менее страшно. Ведь если он так сказал - «твоё счастье», то убивать они меня сейчас не будут? Надеюсь!

- В общем, так. Всю эту возню сворачивай. Немедленно. Пиши опровержение, или как там у вас называется. Мол, заказали, заплатили, вот ты ... Ясно?

- Но... - начала было возражать, но парень угрожающе двинулся на меня, и я заткнулась.

- Ты же не хочешь, чтобы тебе переломали пальцы? Сначала на одной руке, потом на второй? И не хочешь, уверен, чтобы тебе отрезали язык? Без глаз, наверное, остаться не хочешь?

- Не хочу, - глухо вымолвила я.

Он придвинулся ещё ближе, совсем близко, я даже ощутила на лице его дыхание с лёгким запахом табака.

- Тогда делай так, как тебе велят, иначе в другой раз мы не будем так терпеливы и вежливы, как сейчас. Поняла? Не слышу.

- П-поняла, - кивнула я, чувствуя, что сознание уплывает.

Они ушли, и я осела мешком, сползла по стенке на пол. Нет, они мне ничего не сделали, не тронули даже пальцем. Но меня буквально колотило. Никто и никогда мне ещё не угрожал. Никто не проникал в мой дом вот так, беспрепятственно. А ещё, они успели выяснить, что я преподаватель. Господи, а если каким-то образом они и про моих студентов выяснили? Ребята ведь приходили ко мне очень часто. Меня затошнило от паники. Что делать? Что делать? Надо поменять квартиру! Немедленно! Но где гарантия, что они и новый адрес не узнают?

Надо обратиться в полицию!

И тут же вспомнились слова Паши Грачёва: в полиции по поводу Шубина много чего знают, но не трогают, нельзя. Почему нельзя? Хотя... и так понятно, почему. Если уж его любовница вышла сухой из воды, сбив человека, то тут и говорить не о чем.

Но не молчать же! Хотя у меня и доказательств нет никаких, моё слово - против их слова. А, может, они оставили отпечатки... или как там называется? Не по воздуху ведь передвигались... И тут я поняла, почему оба были в бахилах и один из них, тот, что молчал, в перчатках. Чтобы не оставить эти самые отпечатки.

Сколько я так просидела, час, два или больше - не знаю. Очнулась от того, что в кармане пальто загудел сотовый. С трудом поднялась, ноги затекли и еле держали. Пока я добралась до телефона, он смолк, но тут же снова заголосил. На экране высветилось: Стас.

Пару секунд я сомневалась: брать или не брать. Мне не хотелось говорить с ним. Потому что каждый разговор с ним - это трата эмоциональных сил, а их у меня и так не осталось. Да и вообще не хотелось с ним связываться. Но слабая и трусливая часть меня ныла: а кто мне поможет? Одна я не

справлюсь, у меня же нет никого. А у Стасика связи...

Я ответила. И тут же началось:

- Маша? Жива? Слышу, жива. Ты на работу вообще решила не выходить? Нет, я в курсе, ты на больничном. Но, черт возьми, не полтора же месяца! Хочешь, чтоб с тобой вообще расторгли трудовой договор?

- Мне хотят переломать пальцы, - прервала я его возмущённую речь.

- Как это? Кто? - не понял он.

- Не знаю. Сейчас вернулась домой из магазина, а в квартире у меня двое незнакомых парней.

- Это шутка?

- Какая шутка! Они проникли ко мне домой, понимаешь?
- я поняла, что вот-вот сорвусь в истерику.

- Они тебе что-нибудь сделали?

- Нет, только пригрозили. Но они проникли в мой дом! Открыли дверь, как будто у них был ключ!

- Во что ты опять влезла? Не просто же так они угрожали.

- Требовали, чтобы я остановила движение против строительства сурьмяного завода в Забайкалье.

- Господи, Маша! Ты, гляжу, никак не уймёшься. Ну вот дался тебе какой-то завод.

- Дался! Он нанесет огромный вред и экологии, и людям...

- Да хватит уже! Тебе что, больше всех надо? Экологией пусть экологи занимаются! А ты занимайся своим делом.

- А это и так моё дело! Говорить публично о проблемах -

не наша ли главная задача?

Стасик тяжело выдохнул.

- Пафос какой-то.

- Я не знаю, зачем ты позвонил, но лучше бы не звонил вообще, - голос у меня дрожал.

- А что ты от меня хотела услышать?

- Ну, наверное, предложение помочь.

- Каким образом?

- Твой отец не последний человек в этом городе, у него есть знакомства в мэрии, в прокуратуре, на телевидении, да много где. И у тебя тоже есть связи с крупными изданиями. Если бы мы все вместе взялись...

- Вот отца только не впутывай. У него и так проблем хватает.

- Ясно, - зло ответила я. - Всё, прощай, Стасик. И не звони мне больше.

- Да погоди ты. Что ты сразу психуешь? Я же не сказал, что отказываюсь помочь. Я сказал, что отца впутывать пока не надо. Может, и без его участия обойдёмся.

- То есть ты поможешь?

- Ну я же журналист, - Стасик язвил, но мне было плевать.

Пусть хоть изойдётся на ехидство, главное сейчас - его связи. И отца своего он подключит, если надо будет. Просто, как всегда, он хотел показать, что и сам всё может. Стасик настолько разошёлся в приступе доброты, что обещал сегодня же «пробить всю инфу по своим каналам», а завтра меня

куда-нибудь увезти и спрятать.

И хотя обещание Стасика меня немного успокоило, я всё равно всю ночь не могла уснуть. Думала о всяком, рисовала в воображении, что можно сделать и что могут сделать нам. Точнее, мне. И если я промолчу сейчас, пойду на попятную, то это будет выглядеть так, что я сдалась? Струсилась? Нет, я, конечно, струсилась, но не сдалась!

И утром первым делом я разместила пост:

«Друзья, а вот и первые результаты наших действий против строительства сурьмяного завода. Не совсем такие, как хотелось бы, но главное - нас услышали!»

Вчера вечером в мою квартиру проникли двое. Незнакомые молодые люди крепкого телосложения. Что они хотели? Они, угрожая мне физической расправой, требовали, чтобы мы всё прекратили. Было ли мне страшно? Конечно, было. Я и сейчас боюсь, но то, что произошло вчера, показало - они тоже боятся. Боятся нас. А значит, мы всё правильно делаем.

И поэтому, господин Шубин и господин Миллер, знайте, ни страх, ни ваши угрозы нас не остановят. Мы не позволим вам убивать людей и природу».

Руки у меня заметно дрожали, когда я нажимала кнопку Отправить. Надеюсь, этим я сейчас не подписала себе приговор. Как бы я тут ни бравировала, без обещания Стасика помочь, наверное, ни за что не решилась бы вновь бросить им вызов.

А мой пост, между тем, всколыхнул интернет-сообщество. Такого отклика я, честно, даже не предполагала. Просмотры, лайки и репосты росли в геометрической прогрессии. Люди потоком писали комментарии, возмущались, всячески поддерживали, предлагали помощь.

А ещё совершенно неожиданно на меня вышел Толик Труфанов, мой бывший одноклассник.

Толик, как и хотел, сумел пробиться в серьёзное зарубежное издание. Он и жил теперь, насколько я знала, за границей. Во Франции. Уже три года как. И работал не где-нибудь, а в "Пуэн".

На родину возвращаться Толик не собирался. Его и на встрече выпускников не было. А тут вдруг объявился.

«Романова? Машка? Это ты? Так ты теперь Чернецкая?»

«Я самая, месье Труфанов»

«К нашему Чернецкому твоя новая фамилия имеет какое-нибудь отношение?»

«Точнее, имела. Я была замужем за его сыном. Летом мы развелись, но не будем о грустном».

Мы не стали донимать друг друга подробностями личной жизни, я такие душевные разговоры с абы кем не любила,

а Труфанова подобное просто не интересовало. Зато интересовала буча вокруг сурьмяного завода.

«Из этого можно сделать отличный материал. У нас сейчас большое внимание уделяется экологическим проблемам по всему миру. Так что твоя ситуация будет очень кстати. И мы оба окажемся в выигрыше. Я напишу хорошую статью в «Пуэн». Ну а ты привлечешь широкое внимание к вашей беде. Ну, что скажешь?».

Конечно же, я согласилась! И пусть Толик преследовал личные интересы, но это будет уже совсем другой уровень. Местные власти уже не смогут просто отмахнуться, если наше дело получит такую огласку.

Я пообещала Толику выслать все-все материалы в ближайшее время и, окрылённая, села ждать Стаса. По идее, он должен был вот-вот подъехать. Его расписание я наизусть не знала, но допоздна на работе он никогда не засиживался.

Ближе к вечеру в дверь позвонили, но это оказался не Стасик. Мои ребята, Павлик Грачёв и Руслан Алишеров, решили меня вдруг навестить после пар. Ну, конечно же, из-за моего утреннего поста.

- Мария Алексеевна, мы будем дежурить у вас, раз такое дело.

- Ещё чего! - запротестовала я. - Какие-то глупости придумали.

- Тогда вам нужно съехать. На время. Просто перекантоваться где-нибудь, пока всё не уляжется. Например, у меня

можно, - краснея, предложил Паша. - Мама не будет против.

- С ума сошли?

- Ну или вот у Руслана, - он кивнул на Алишерову. - У него вообще предки уехали на море на две недели.

- Нет, спасибо вам за заботу, я тронута, но мы уже договорились с бывшим мужем... Он скоро за мной заедет. Он меня будет защищать.

Ребята, взяв с меня слово чуть что звонить, ушли, а я сделала себе бутерброд с сыром и, устроившись на диване по-турецки, взяла ноутбук.

Всё-таки какие же у нас равнодушные люди! Даже такие простые слова «Маша, мы с вами» уже грели душу.

Однако меня начинал беспокоить Стасик. Вчера он обещал заехать за мной сразу после универа. Более того, это была его идея - спрятать меня в надёжном месте, пока... пока всё не закончится. Но время близилось к семи, а он даже не звонил.

Прождав ещё час, я набрала его сама, но абонент оказался недоступен. К одиннадцати вечера я уже места себе не находила. От всевозможных версий пухла голова. В конце концов, наплевав на условности, я позвонила свёкру. То есть бывшему свёкру.

- Виктор Анатольевич, извините за поздний звонок, - пролепетала я.

Я и раньше-то его смущалась, как-никак он проректор, второе лицо в университете, а теперь, после развода, мне и

вовсе неудобно было его тревожить. Но вдруг со Стасиком что-то случилось?

- Я Стаса потеряла, волнуюсь... А телефон у него недоступен. Вы не знаете...

- Возможно, он просто не хочет с тобой разговаривать после всего? - холодно ответил свёкор.

- Но он обещал, что сегодня приедет...

- Не приедет. И не позвонит. И ты ему больше не звони.

- Но... с ним всё в порядке?

- В полном.

- Но почему... то есть он просто передумал? Но почему он мне сам не сообщил?

- Я ему посоветовал, и он согласился со мной. А тебе я настоятельно советую оставить моего сына в покое и не втягивать его в свои аферы.

Виктор Анатольевич сбросил вызов, оставив меня в полнейшей прострации.

Лучше бы Стасик ничего не обещал и не обнадеживал. Я бы хоть действительно напросилась к кому-нибудь переночевать. К той же Шурочке. Хотя... вот так заявиться к ней - значит, подвергнуть опасности. Разве я имею права ею рисковать? Нет, сама заварила кашу - сама и расхлёбывать должна.

И буду! Лишь бы сегодняшнюю ночь пережить спокойно! Ничего, как-нибудь всё обойдётся. Но, господи, как же страшно!

За всю ночь я глаз не сомкнула. Сидела и напряжённо прислушивалась к звукам. Когда из подъезда доносились чьи-то шаги или громохание лифта, у меня сердце падало в пятки.

Ни о чём другом думать не могла, из рук всё валилось, в конце концов, я так себя накрутила, что как только настало утро, сразу же кинулась звонить по объявлениям.

- Комнату сдаёте? - выпалила я, когда после череды гудков раздался сонный мужской голос.

- Угу.

- Мне нужно. Прямо сегодня.

- Угу... давайте... - Он смачно зевнул. - Давайте, девушка, в три встретимся? Покажу...

- А раньше никак? Мне срочно надо. Я готова прямо сразу заплатить и въехать. Пожалуйста.

Сонный мужчина завис. Когда я уже хотела повторить вопрос, он ответил:

- Ну... ладно. В одиннадцать могу.

Мы условились встретиться возле художественного музея. Там всегда оживлённо, а я сейчас особенно тяготела к людям.

Хозяин квартиры, слегка обескураженный моим напором, честно предупредил, что это пятый этаж, подтекает крыша, давно не было ремонта и что-то там ещё, я даже не особенно вслушивалась. Главное, сделать отсюда ноги поскорее.

Я достала из шкафа спортивную сумку, закинула всё самое необходимое, сверху положила ноутбук. Самого необхо-

димого оказалось столько, что я едва застегнула молнию.

Нагруженная как выючный мул, я вышла из дома. Огляделась по сторонам и направилась к остановке.

Они поджидали меня недалеко от подъезда, буквально за углом. Я и внимания не обратила - стоит себе и стоит чья-то машина. Их тут с десяток притулилось к бордюру. Только эта, единственная, не была припорошена снегом, но это я отметила уже потом, слишком поздно...

Из машины вышли двое мужчин. Не те, что навевались ко мне позавчера, другие. Один - лет двадцати шести-двадцати восьми, другой - уже заметно в возрасте.

Я остановилась, чувствуя, как внутри всё леденеет. Что делать? Швырнуть в них сумку и бежать со всех ног? Но по-паду я только в одного, а второй сразу догонит.

- Далеко собрались? Давайте лучше прокатимся в одно место. Там вас ждут, - равнодушно и твёрдо произнёс мужчина, тот что старше, и распахнул передо мной дверцу.

Я отступила, оглянулась в надежде увидеть случайного прохожего. Но двор субботним утром был удручающе пуст. Я сделала ещё один шагок назад. Если я сейчас закричу что есть мочи, то, наверное, хоть кто-нибудь услышит?

Пожилой, заметив мои маневры, устало вздохнул, затем взглянул на молодого, и тот мгновенно оказался у меня за спиной. Крепко схватил меня за локоть и подтолкнул к машине.

- Отпусти, сволочь! - упиралась я. - Я кричать буду! Вам это с рук не сойдёт! Все знают, что вы мне угрожали...

- Да хоть заорись, - рявкнул молодой. - А ну села!

Я и охнуть не успела, как он грубо втолкнул меня в салон и сам плюхнулся рядом. С другой стороны сел пожилой. Ма-

шина тут же тронулась.

Все они молчали, молодой, пожилой, водитель. Сидели с каменными лицами и молчали. Они ведь везли меня убивать! Или пытаться. Не знаю, что хуже. И при этом не испытывали абсолютно ничего, как будто для них это скучное, обыденное дело. Внутри у меня, казалось, образовалась яма. Сердце, что сначала колотилось у горла, теперь падало и падало кубарем в эту бездонную ледяную яму. От панического страха у меня кружилась голова и накатывала тошнота. Я вцепилась в ручки сумки, будто это могло придать мне сил или смелости. Господи, пожалуйста! Я не хочу умирать!

- Куда вы меня везёте? - облизнув пересохшие губы, глухо спросила я у пожилого.

Не поворачиваясь, он безразлично ответил:

- Поговорить.

Я таращилась на его орлиный профиль, на седые виски и острые скулы.

- С кем? О чём?

- Всё о том же.

- Вы... вы Миллер? - тихо спросила я, цепенея от своей догадки.

- Нет, - всё так же безучастно ответил пожилой.

- Ещё б за тобой Миллер не ездил. Много чести, - хмыкнул молодой.

- Но скоро вы познакомитесь с Олегом Владимировичем,

- добавил пожилой.

- С кем? - перед глазами у меня всё плыло и до рези в лёгких не хватало воздуха.

- Мальчики, что позавчера к вам приходили, ещё молодые, неопытные. Не умеют убеждать. Олег Владимирович Миллер сам с вами потолкует. Более того, Арсений Петрович тоже изъявил желание с вами пообщаться.

В первый момент я не сообразила, о ком он. Видимо, страх парализовал мозг. Затем вспомнила: Арсений Петрович - так звали Шубина.

Кажется, я на несколько минут отключилась, или же мне стало так нехорошо, что в глазах потемнело. Машина тем временем выехала за город. С обеих сторон шоссе подступал стеной лес. Я судорожно вздохнула. Это конец. А самое ужасное - здесь меня никто не найдёт, даже если будут искать.

Ехали мы минут двадцать, потом машина свернула с шоссе вправо, а вскоре за деревьями показался дом. Не дом, конечно, целый дворец с башенками, колоннами и прочими архитектурными изысками. Ворота разъехались, и машина плавно вкатила во двор, который правильнее было бы назвать небольшой площадью.

- Приехали.

Молодой вышел из машины первым и встал рядом с открытой дверцей, ожидая, пока я выберусь следом. Перепуганная до полуобморочного состояния, да ещё и с громоздкой сумкой я еле шевелилась.

- Чего застряла? Быстрее давай, - торопил он меня, а затем схватил за рукав пуховика и, резко потянув на себя, вытащил из салона. От такого рывка я еле удержалась на ногах и чуть сумку не выронила.

Не выпуская моей руки, он тянул меня по направлению к дому, а я еле поспевала за ним. За нами следовал пожилой.

В холле нас встретил ещё один мужчина. В костюмчике, при галстукe, но по выражению лица - типичный головорез. Или мне уже это от страха мерещилось. Он велел оставить сумку и вывернуть карманы. Сумку я опустила на пол, но карманы... Это уж слишком! Пока я мешкала, он шагнул ко мне и быстро ощупал. Из кармана забрал мой телефон.

- Вы... что... - задыхнулась я от возмущения.

Но он, не обращая на меня никакого внимания, коротко сказал пожилому:

- В библиотеке.

Я сразу поняла, о чём он. Кто там - в библиотеке. Попыталась сглотнуть ком в горле, но неожиданно закашлялась.

Пол качался у меня под ногами, пока мы пересекали холл, пока шли по широкому коридору, стены которого были задрапированы бордовым шелком.

Мы остановились перед высокими двустворчатыми дверями тёмного дерева. Молодой выпустил мою руку, распахнул одну створку и подтолкнул меня в спину. Я чувствовала себя тряпичной куклой, куда направят - туда иду, но сил хотя бы на словах препираться не осталось совсем.

Я шагнула в просторный, полутёмный зал и замерла на пороге, но мой конвоир снова подтолкнул меня в спину. Я сделала ещё несколько шагов и остановилась метрах в трёх от массивного овального стола под старину, за которым лицом к дверям и ко мне сидел Шубин. Даже несмотря на приглушённое освещение и моё неважное зрение я узнала его моментально. Живьём он выглядел ещё неприятнее, чем на фотографиях.

За столом в кресле напротив Шубина и спиной ко мне сидел ещё один человек. Он листал какую-то папку, на меня даже не взглянул, не обернулся. Я видела лишь его затылок, тёмные волосы, широкие плечи.

Это и есть Миллер? Несомненно. Ещё не видя его лица, его взгляда, не слыша его голоса, я нутром чувствовала исходящую от него опасность. Это трудно объяснить, но даже вот такой, спокойный, не обращающий на меня внимание, без слов, без угроз, он подавлял одним своим присутствием и внушал даже не страх... а какое-то предчувствие неотвратимой беды. Как будто стоишь на самом краю бездны, внутри всё сжалось, замерло, и даже вдохнуть боишься. Вот так же и с ним.

- Иван, подай даме кресло и можешь быть свободен, - рас-

порядился Шубин.

К столу придвинули ещё одно кресло на гнутых ножках. Пересиливая ужас, я подошла и села на самый краешек. Села прямо, как кол проглотила. Ну, во всяком случае, на пол не грохнусь перед этими...

Шубин, прищурившись, меня разглядывал. Пару минут он молчал, просто изучал меня, не говоря ни слова, и во время этой издевательской паузы я едва дышала. И вовсе не из-за него. А из-за того, кто сидел справа от меня, хотя я даже его толком и не видела. Я просто не могла себя заставить посмотреть на Миллера. Боялась панически. Казалось, если встречу с ним взглядом, не выдержу просто... Окаменею навечно, как от взгляда Медузы Горгоны. Ну или хотя бы заработаю инфаркт миокарда. Так что я тоже с Шубина глаз не сводила, хотя... какой же он отвратительный.

Наконец Шубин произнёс:

- Давайте начистоту, чего вы хотите?

- В смысле? - не поняла я.

- Все в этой жизни чего-то хотят. - Когда он говорил, бульдожьих щёки его колыхались. - Кто-то хочет власти, кто-то - денег, кто-то - славы. А чего хотите вы?

- Прямо сейчас я очень хочу домой, - честно сказала я и услышала едва уловимый короткий вздох справа.

У Шубина же мой ответ вызвал недовольство. Он посмотрел на Миллера, как будто спрашивал его о чём-то, но тот молчал. Тогда Шубин раздражённо продолжил:

- Ваша возня, госпожа Чернецкая, стала доставлять нам, не скрою... эм... некоторые хлопоты. Вы умеете завести общественность, стоит это признать. Но всё же вы себя переоцениваете. Все эти ваши манифесты в интернете лишь создают шумиху, докучливую, неприятную, но бесполезную. Завод всё равно будет работать. Даже если придут к нам из надзорных органов, это будет, уверяю вас, обычная проформа. Я хоть завтра могу предоставить вам заключение экспертов со всеми нужными печатями и подписями о том, что мой завод на экологии и здоровье людей никак не отразится. Потому что везде сидят обычные люди и все они чего-то хотят. Кто-то - хорошей жизни, кто-то - спокойной. Так вот я и вас спрашиваю, чего хотите вы? Не сейчас, а вообще. Карьеру? Или денег? Или отправиться... куда там? В Гамбург? Туда же вас, кажется, приглашали, но стараниями вашего бывшего свёкра поездку отменили. Так мы легко устроим. Хоть Гамбург, хоть Гарвард, хоть Папуа-Новую Гвинею. Просто угомонитесь уже. Или... или вот что я сейчас подумал. Мы можем взять вас к себе, этим... специалистом по связям с общественностью. Вашу бы неуёмную энергию да умение завести народ направить в нужное русло... так горы свернуть можно, а? Вы подумайте над моим предложением. Хорошенько подумайте. У меня вы такие деньги будете получать, какие вашему свёкру и не снились.

- Это вы меня сейчас подкупаете, что ли? - едва нашлась я что ответить, поражённая его осведомлённостью.

- Скорее, покупаю. - И обрюзглое лицо его приобрело такое выражение, будто он и впрямь приценивается к товару и не уверен: брать или не стоит.

- Нет! - возмутилась я, на мгновение забыв про страх. - Нет, нет и нет! Вы сумасшедший, если подумали, что я могу на такое согласиться.

- Это ты будешь сумасшедшая, если откажешься, - перешёл он на «ты».

И я поняла: он ничуть не сомневается, что я приму его предложение. Ведь все принимают, всех ему удаётся склонить на свою сторону не подкупом, так запугиванием. И если быть до конца честной, то на какой момент я всё же колебалась. Проскользнула малодушная и трусливая мысль: отказаться от затеи и жить спокойно. Но тут же я подумала о моих студентах и устыдилась своей слабости.

- А знаете, я скажу, чего мне хочется. Очень хочется. Может, это прозвучит по-детски, но это моё самое горячее желание. Я мечтаю, чтобы вас посадили.

Шубин стиснул челюсти, взгляд сделался колючим, но я по инерции продолжала:

- Мечтаю, чтобы у вас отобрали всё, что вы награбили. И посадили надолго, а лучше навсегда. И я костыми лягу, чтобы это случилось.

Шубин вновь посмотрел на Миллера выжидающе, я напрыглась ещё больше, но тот опять не отозвался. Тогда Шубин процедил зло:

- Ляжешь, ляжешь, уж будь уверена. Ты даже не представляешь, до чего хрупка жизнь. На каждом шагу всё что угодно может случиться...

Боковым зрением я уловила справа какое-то движение, услышала резкий хруст и непроизвольно среагировала: повернулась к Миллеру и... оцепенела. Его профиль оказался до боли знакомым. И этот косой шрам под скулой...

Взволнованная я туго соображала, но меня уже охватило предчувствие неумолимо надвигающегося шторма.

Миллер закрыл папку, разжал крепко стиснутый кулак, и на стол упали два обломка карандаша - вот, значит, откуда хруст. А потом он медленно повернул голову ко мне, и сердце моё остановилось...

Дёрнувшись, словно от разряда т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.